

18+

КЯНГАНЕН КИРИЛЛ

ИМПЕРИЯ МАШИНЫ

СТАРЫЙ СВЕТ

Кирилл Кянганен

Империя Машин: Старый Свет

«Издательские решения»

Кянганен К. В.

Империя Машин: Старый Свет / К. В. Кянганен —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-603207-1

История повествует о темных веках империи, сочетающей достижения технического прогресса с изощренной системой контроля за сознанием людей. Блага цивилизации принадлежат центру. Остальная зона относится к периферии, куда ссылают неудобных горожан, и тех, кто не разделяет стремлений по переделу мира. Главный герой — армейский офицер, свято верящий в идеи эволюции и всеобщего империализма. Но как его убеждения справятся с близящейся войной, развалом семьи, гибелью товарищей и последующим забвением? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-603207-1

© Кянганен К. В.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Глава – 0 – Пролог	7
Глава – 1 —	8
Глава – 2 – Старый Свет	13
Глава – 3 —	26
Глава – 4 —	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Империя Машин: Старый Свет

Кирилл Вячеславович Кянганен

© Кирилл Вячеславович Кянганен, 2023

ISBN 978-5-0060-3207-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель! Тебе предлагается погрузиться в антиутопическую вселенную империи Севергард. История повествует о темных веках некогда могущественной Страны Машин, сочетающей достижения технического прогресса с изоцированной системой идеологического воздействия на сознание людей. Севергард разбит на части. Блага цивилизации принадлежат центру. Вся остальная зона относится к периферии, куда селяют неудобных горожан, а, так же, тех, кто не разделяет общего настроения по переделу мира.

Главный герой – армейский офицер Дион, выпускник Бюро Нормоконтроля, свято верящий в идеи эволюции и всеобщего империализма. Но как его убеждения справятся с приближающейся войной, развалом семьи, гибелью товарищей и последующим забвением? Пойдет ли он против собственного мировоззрения, оказавшись в суровых условиях умирающих земель, или же сохранит преданность государству?

Книга может читаться как продолжение, так и в качестве самостоятельного рассказа.

Глава – 0 – Пролог

«Род людской, уверовавший в свою исключительность, заполнил землю. Он плодился безмерно, подчинял себе законы природы, присваивал и отнимал, распоряжаясь судьбами мира. Переделывал под себя, чтобы стать его единственным господином, независимым от череды случайностей и неудач. Он стремился избегать осознания смерти, конечности, абсурда и отчаяния, веры, двуликой надежды. Всего, что не давало гарантии в грядущем преобразовании действительности. Всего, что препятствовало его личной нужде. Однозначность, определенность, прогресс – три блага, три столпа воспеваемые цивилизацией. Однако, власть, приобретенная человеком, не ограничилась господством над естественным миром и перешла границу, различающую существование вещи и жизни. Это пагубное влияние по подавлению природы, проникало в малейшие лакуны нашей души, завоевывало наше доверие, уважение и почитание, пока не распространилось и на людское сообщество. Оно стало тем, что ныне мы зовем Истиной. Наше частное, пререкающееся, несовершенное, мелочное законодательство превратилось в манифест мирового порядка. Технологический, экономический и социальный прирост стали самоцелью, а отдельный индивид – средством ее осуществления. Все, кто не заслуживались называться Человеком – попадали в кабалу, изгонялись из общества и подвергались самой суровой каре – клеймению, постоянно напоминающему свое отвергнутое положение. Само жизнеустройство перевернулось с ног на голову. Ценность исполнителя на конвейерной ленте превысила значимость творчества, жизненного порыва, свободы и вневременной нравственности. Последняя стала определяться соблюдением трудовой дисциплины. Эмоции, фантазии, чувства и переживания – этот необозримый калейдоскоп всего, что делает человека человеческим – уступили место качествам, необходимым для формирования сверх-индивида. Существа, чуждого жизни, неспособного к диалогу, измеряющего себя по эффективности и занимаемому положению. Экономическая стоимость стала эквивалентом правил современного мироустройства. Голый интеллект разложил природу на элементы, химические реакции и физические законы, обезличив проявления ее многообразия. Человечество заглушило в себе совесть, и мир отплатил той же монетой. Техногенной катастрофой, развалившей Эго людское на части. Просветители – новые владыки эпохи распада, Рассветная Скрижаль – тень подвергнутой изгнанию религии и этики. А Страна Машин – отражение былого величия доигравшегося ложного Бога – так говорил пророк» (цитата из откровений Эферии).

Глава – 1 —

«Эй! – донеслось отовсюду, и ниоткуда одновременно, – где я?». Сумрак слегка расступился, позволяя вопрошающему разглядеть босые ноги. «Холодно». Пол был залит чем-то вроде застывшего мазута. Нащупав хлипкую бесформенную опору, он продвинулся вперед. Конечности с трудом держали вес тела. Неподалеку трещал одинокий лучик, пробивающийся сквозь пелену. «Огонь!». Каждый шаг вызывал расходящиеся от стопы концентрические круги, будто человек ступал по сухой воде. Он замедлился, чтобы образовавшиеся «волны», не потушили пламя. А когда они успокоились, сместился в сторону света. Ближе... Человек потянулся к нему, как ребенок к желанной игрушке. Кожу согревало слабое тепло, источаемое... лампадкой? Чувство подсказывало: остерегайся! Но он доверчиво поднес ладонь, принимая в руку маленькое сияющее создание. Он накрыл его второй ладонью и ощутил, как по плечам потек приятный жар.

Мгновение спустя раздался тоненький писк. Человек в страхе приоткрыл ладонь. Сквозь пальцы из лучика улетучился дым, а бесплотное тельце растворилось в мокрое пятно, растекающееся по мертвецки бледной коже.

Но вот, порой метров дальше, искрился еще один!

Человек задумался, но пробравшийся за ворот ледяной ветер, толкнул вперед, как бы намекая: «действуй». Вот он подкрадывается к ничего не подозревающему светлячку, и хватает, получая желанное тепло. Свет гиб, попадая в его объятия, но силуэт человека впитывал в себя жар, словно топка, принимающая бревна. На считанные секунды по жилам пробежала истома, мягкое блаженство, окунающее в сказочные грезы. Он будто выпадал в иное измерение звездных сфер, чтобы затем, быть вырванным холодным зовом могилы. Каждое пойманное существо продлевало его еле теплящуюся жизнь, однако, он ни на шаг не был ближе к цели... Какой? Холод подгонял, обрывая раздумья. Человек ощущал, как коченеет тело. Как оно теряет пластичность. Цементируется, становясь все больше похожим на статую. Жгучий лед подбирался к горлу, стремясь погасить тлеющее подобие жизни. Если он сохранит темп, то вскоре исчезнет. На плечо садится светящийся шарик, кажется ему любопытно... Удар ладонью размазывает его нутро по поверхности. Пыльца впитывается в кожу. Человеку дается отсрочка. Он согрет.

Осмотревшись, он решает работать на опережение. Его движения ускоряются, походка обретает уверенность, а руки – хватку. Шаг за шагом он ловит бесплотных светлячков, лишая их жизни. Он охотится, скрываясь в темноте. Выжидает добычу. А когда ему удастся незаметно подкрасться к свету – наносит роковой удар. Смертельный голод отступает. Но пора утолить жажду про запас. Человек ищет скопления блуждающих огоньков, отлавливает тех, кто не успел выскользнуть меж пальцев, и поедает.

Под конец он вовсе позабыл, в каком направлении шел, лишь жадно впитывал в руки свет, ощущая нарастающую мощь. Он впал в азарт. «А ну – стой», «Иди к папочке», «Скорее!», «Хватай!», «Получай!», «Да, да, да!». Казалось, он наслаждался, разрывая хрупкие эфирные тельца и выдавливая из них дух. Своей смертью они приносили связность, осмысленность его бесконечной гонке, ведь каждый узловый маршрут – светлячок – выступал точкой стяжения энергии. Человек не знал, ни того, кто отвел ему эту роль, ни что такое – этот сумеречный мир, ни он кто он сам. Не понимал чувств, не ощущал тела. Он находился в страшном неведении всего, что огибало его существование. Думается, если бы ему и было предоставлено довольство, оно не исправило его бедственного положения. И это прекрасно иллюстрировало его переживание. Как только он прерывал пиршество, силы развеивались, как дым по ветру. «Дым! Точно! Надо следовать за дымом». Стены углублялись, стирая границы неизмеримого пространства. А он – что он? Маленький червь, приуроченный к ничтожному уголку необъят-

ной вселенной темноты. Все что он знал, вернее, ощущал – недалекую близость смерти, еже-секундно напоминающую о себе проникающим в легкие холодом. Какое незавидное время! Приземистая тщета, равняющаяся с землей. Со всех сторон его ограничивало несравнимое пространство величин, где он – песчинка на краю океана, мимолетный отпечаток, канувший в вечности. Каждый вздох ледяного воздуха свидетельствовал о зыбкости его существования. Но светила манили ангельским, Поднебесным жаром, и он проглатывал светлячков один за другим, упиваясь точно сорванными растениями. И вот – виднеется завершение. Последнее светило. Оно – и неизбежность конца, и остаточное лето жизни. Он ощущает последствия своих поступков, ибо наполовину слеп: тьма совсем рядом, она дышит ему на затылок, и некому разгонять ее. Поэтому, в человеке не таяла надежда на нечто за этим сумеречным миром.

Однако, едва он сделал шаг, наклонившись к распускающемуся цветку, как дым сгустился, поглощая единственный источник света. И темная завеса повергла «преступника» в ничтожество пустоты. Он боялся вечного удела одиночества, безлюдной камеры смерти, полной бедствий и непрекращающейся скорби. Холодного мира мертвых. Как рассеять сомнения, когда черный снег окружает время, застывшее в неподвижности? «Покажись... Яви бушующее в тебе пламя» – он поднимает кисть и видит, как его руки огибают черные плети, сочащиеся из груди. Достаточно произнести имя, и жар высвободится наружу. Но имени нет, и молчание сковывает пожирателя света. Он холодеет.

Треск.

Пол покрыт битым стеклом. Куда ни ступишь – кровотоцит земля... Липкие лужицы омывают его ступни. То вытекает кровь? Но он не ощущает боли, лишь холодное прикосновение льда к обмороженной коже. В чем же дело? Человек озирается, ища подсказки. От края до края повсеместно расстелено стекло. И нет границы преломленным отражениям. Этим уродливым обрывкам чьих-то невнятных очертаний. Человек сгибается по пояс, берет осколок и подносит к глазам. «Никого?». Только чернота. Невыносимый холод пустоты и заброшенности. Он выпустил стекло и приблизился к окну. Минутой ранее комната была слепа, а сейчас в ней образовался мутный ночной «просвет». Он кладет ладонь на раму. Видит, как к чернеющему небу возносился дым. Улицы? Никаких, одни тени. «Где Я?». Он дома посреди пустыни в умирающей галлюцинации жизни. Это Город-призрак, видение, пережитки прошлого. «В чем твоя необходимость? Отвечай!» – крикнул человек, не выдерживая пустоты. «Гляди на свои старания» – донёлся приказный тон, и пленник, не смея шевельнуться, смотрел на клубы обволакивающего небо дыма. Оцепенелый, мертвый, беззащитный, с потухшим взглядом закоренелого невольника, смирившегося с судьбой. «Где же ты – Надежда?» – шепнул он, и видение обрушилось, придавливая прозрачными стенами.

Иногда человек вваливался в незнакомый амбар. За окном угасала поздняя осень. Он прятался под гнилыми стогами сена, не в силах удержать тепло. Этот мир отталкивал. Здесь хрустели кости, ломило суставы, одолевала головная боль, жар, голод... При мысли о последнем его перекинуло в какую-то заброшенную подсобку. Человек отчаянно грыз затвердевший ломоть хлеба. Разбухло воспаленное горло, кровоточили зубы. Принюхался: несло сыростью и пометом. Слева опрокинут медный таз, под ним —расплывающаяся лужа. Он выполз из-под навала и прильнул к земле, слизывая влагу. В голове тупо вертелось единственное слово: «жажда». Повторение, сплошное повторение. Он словно попал в замкнутый цикл нескончаемого кошмара, прерываемого редкими впечатлениями настоящего. Обросшее корыто, рядом затвердели незнакомые голоса. Человек с испугом отложил хлеб, и втянул голову в укрытие. Говор повышался, но он не мог разобрать языка и вникнуть в суть сказанного. Одно он знал наверняка – надо скрываться. И, подтянув ноги, втиснулся в узкий лаз, выкопанный под трубопроводом. Злые чудища посетили его убежище. «Разворошили уютное гнездышко!». Он со слезами на глазах смотрел, как они топтали рисунки, мяли его драгоценный плащ...

Человек проваливался в глубокую пучину. Затем, подхватываемый горным потоком, несся не ведая куда. Горы, скопления мелких деревень – целиком купались в пекле. Всюду вспыхивали вулканы, горизонт заливала удушающая темнота. Бесчисленная плеяда всполохов пламени разверзла землю, терзаемую гигантской механической рукой. А вдалеке – огненный дождь, сменяющийся ледяным градом. Прорва островов помельче, затмеваемая массивными, покатыстыми волнами. Густые, непроницаемые тучи. Они стремительно несутся на него – неподвижного зрителя. Острые как клинки пасти метят в глаза. Мириады... воронов? Черные птицы рассеиваются по складным улицам, срывая кожу. Под ней – прах. Кажется, эта часть была не из его видения... Оторванная от целого, привнесенная со стороны неведомой, буквально магической силой, она вклинивалась в душу, выбивая из мозга остатки восприятия. Что это: след чужого сознания или безумное предположение о происхождении мира? Эта двойственность – единственная определенность, которую он достоверно ощущал, проживая опыт потерянного в запределье... мертвеца? Этот отрывок принадлежал кому-то другому. Странная фигура в черном плаще стояла на границе сумеречного города – зоны полнолуния, где все расплывалось в неясности, таинственности, страхе, ужасе, и... Бездне. «Нет!» – человек отшатнулся, и наваждение пропало. Он стремился отделаться от кошмара. Иностранного тела, влезшего в голову, но не мог преодолеть его гипнотического воздействия. «Чего ему нужно?!» – но не успевал неизвестный докончить вопрос, как его подбрасывало обратно, и кошмар сумеречного города начинался сначала. Человека швыряло в бешеный водоворот распадающейся жизни и гиблых земель. Времена праистории и головокружительного конца. Снова налет воронов, снова воплощаются тени, протягивающие свои могучие щупальца, выкарабкавшись из коих не представлялось возможным. «Я застрял, я застрял, я застрял!». Вращение калейдоскопа событий ускорялось, он едва успевал адаптироваться к пространству, как оно – извращалось в бесформенное и убиенное, захлестывая малейшие признаки сознания. Бездна втягивала, извергая пенящиеся столпы темно-синей лавы. И тогда, наконец, он завопил: «Я не хочу этого видеть! Не хочу-у-у!» – и безысходный ужас закончился. Он очнулся в какой-то обветшавшей сарайке. С недоверием осмотрел собственные ладони. Сжал кулаки, расслабил. Хрип. Похоже, пересохла глотка. Он робко огляделся. «Вода!». У загона рядом с вилами располагалось пойло. Человек медленно подошел к чану и окунулся в жижу с головой. Подобно свинье, он смачно нахлебался воды, пока ее тяжесть не придавила до боли желудок. Освежившись, он глянул на полированное дно. Там мелькало отражение заросшего мужчины. Человек с недоверием ощупал щетину, впалые глаза. «Значит... это я? Это... мое тело?». Он не узнавал лица, не помнил, откуда он, куда направляется, в чем его цель? Но твердо был уверен в одной крайне сомнительной гипотезе. Она буквально просверлила его мозг насквозь: чтобы избежать смерти, надо быть захваченным чем-то потусторонним, не связанным с личностью. Так, прежде чем умрешь и рассыплешься... ты перейдешь в иную форму и продолжишь жить, став чьим-то призраком. Ничто не затронет тебя: ни голод, ни память, ни скорбь. Уклончивое стремление, именуемое инстинктивным порывом, тщательно оберегало оболочку его разума от собственного тления. Определения, овеществления, окаменения. Он не знал «кто он», и не желал признаваться себе. Гнал тягостные мысли прочь. Проникнуть в тайны судьбы? – проблема выше его понимания. Забота, шаг навстречу свету... Переулочек в никуда – вот то, что он видел собственными глазами, и оно подлинно, а иное – и вовсе не существует. Непрерывное навязчивое движение, активность, «плодотворность» – как говорят миссионеры вселенского порядка... «Смерти обязаны мы нашим многообразием. Лишь изгоняя пустоту, отрицая основу, человек двигается... Или бежит вперед? Прочь от призраков прошлого. Неравномерность ставится нам в заслугу, а последовательность – в укор. Мы должны нарушать правила, чтобы творить жизнь, и горе тому, кто отказывается следовать нашему новому завету... Его исключают из общества, выставляют наедине с превосходящим, совершенным противником. Кому молиться, когда молчат Боги? Когда небосвод отзывается слезами погранных смертью

младенцев, детей и стариков? Хватит детской философии... Никакое „мы“ не прорвет бесконечную петлю. Смерть расставит по своим местам и гордыню, и самодостаточность, и общность, и закон, и порядок, привнеся „злополучный“ хаос, катастрофу человеческого эго, разбухшей рациональности и эстетического представления». Он – чужак в постороннем мире, сухой листок, оторвавшийся от дерева и кружащий по ветру. Олицетворение прошлого, лишённое жизни и намерений. Вороша себя в поисках счастья – этой незыблемой точки опоры, он рисковал обратить собственную душу в труху, но кто мы есть без воспоминаний? Без тягостного давления ставшего над нынешним становлением? И, потому человек принялся фантазировать. Все сожаления, в сущности, одинаковы. Раз нет никакой надежды, почему бы не создать ее самому? Для определенности, «свободного» тягла следовало наполнить временные разрывы, которые вычеркнуты из его памяти. Лакуны не заполнятся сами, как и младенец не сделает и шагу без предварительной подготовки. Ему должно ошибаться, чтобы вырасти. Так кем же он станет? Пережитое отброшено, будущее – неизвестно, остается спонтанность настоящего. «Сегодня я буду плотником» – подумал он. Человека сейчас же заклолило в сон. Кое-как он успел подложить рваный мешок, и отключился, переносясь в ремесленный цех. «Поддай жару!» – раздалось из-за угла, и он послушно надавил на меха, так словно занимался этим всю жизнь. Тело защищала плотная синяя роба, изнутри залитая клеем. Непривычно низкий потолок мешал расправить спину, и он сгорбленный, но удовлетворенный, возил тележки с углем, начинал фляги специальным раствором и поддавал тепла в плавильню за стеной. Все происходило автоматически, без вмешательства сознания. Обучение делу продвигалось с неуловимой быстротой. Только он брал в ладонь предмет, как в голове зарождалась россыпь ассоциаций и готовых схем его применения. Это было и странно, и любопытно: являться кем-то другим, при этом осознавая то, что он – «исполнитель» – не я, но имея в распоряжении весь инвентарь опыта и багаж знаний первого. Ночная смена длилась ровно двенадцать часов. Поутру он очнулся в подворотне, жуящим мох на каменной оградке. Однако, приобретенные навыки никуда не делись, и человек быстро смастерил себе укрытие от накрапывающего дождя. Значит, он так просто овладел кузнечным и плотническим ремеслом? «Метка Странника» – проскочило в голове.

Все оставшееся свободное время человек мастерил изделия из подручных средств. Сны перешли в обыденность, а человек испытывал неясное беспокойство, когда не мог себя чем-то занять, поэтому постоянно в его руках мелькало какое-нибудь новое изделие. Конечно, в отсутствии нормальных инструментов, он испытывал значительные трудности, но компенсировал это усердием и трудолюбием.

Как-то раз его случайно (или нет?) заметил дворянин в сопровождении городской стражи. Впечатленный искусным исполнением резьбы по дереву, он выкупил один из экземпляров древесной трости и порекомендовал человека на зачисление в столярную мастерскую. Солдаты выказали возмущение, упоминая какие-то проблемы с древесиной, но, похоже, дворянин был не в настроении и просто махнул рукой. «Нет, так нет». Воодушевленный успехом, человек начал приторговывать самоделками, пока его не погнало через весь город вооруженные стражники. Оказалось, он незаконно спиливал редкие виды вымирающих пород и пускал их под станок, который присвоил себе накануне, посчитав находкой. Погоня вышла короткой. Неверный поворот – и он в тупике. Ловит палочные удары. «Выбив дурь», а с ней – и парочку зубов, ему позволили уйти.

Не держали ноги, ныло побитое тело. Вдобавок, он лишился нажитого, скромных запасов еды и питья, но самое важное – «безделушек» – как выразился поймавший его за ворот стражник, когда беглец вернулся к своему жилищу. Он больно лупил убегающего преступника, пока тот не извернулся, остудив пыл нападавшего булыжником. Ощувив, что он перешел черту, человек бросился наутек, подволакивая ногу. Он чудом избежал расправы. Слепая удача избрала «спасение», оставив нарушителю открытый канализационный сток.

Тогда человек подумал, что надо научиться самообороне, и, после приема украденных у лекаря обезболивающих, погрузился в новую личность.

Глава – 2 – Старый Свет

Темные руки прижимают винтовку к груди. Солдат вместе с отрядом устраивал облаву на армию налетчиков, оккупировавших окрестности. «Выкурим паразитов! – выкрикнул старший офицер, – по моей команде...». Спиной прислонившись к баррикаде, солдат передвигался на крики. Вот он выглядывает из-за блиндажа. Слышны посторонние голоса. «Странно, пустынные ничего не подозревают». «Не зевать, капрал!» – раздалось над ухом, и в ближайшие насыпи полетели дымовые шашки. «Наступаем!». Он обнажил штык-нож и побежал сломя голову вслед за десятками вооруженных товарищей.

Осаждаемые бросились в рассыпную, занимая позиции на склонах, откуда их отстреливали засевшие близ укреплений штурмовики. Казалось, победа в рукаве, однако сопротивляющиеся не намеривались сдаваться. Нападавшие обступали захваченную деревушку, но налетчики перехватили инициативу, забросав в ответную световыми шашками. Тянуть было нельзя, вот-вот им взбредет в голову... Сверкнул луч прожектора, и на подступах солдаты обнаружили себя. А затем высунувшийся из бойницы пулемет скосил добрую половину бойцов, вырывая ошметки из бездыханных тел. И наступление захлебнулось. «Не мешкай! Вперед, вперед, вперед!» – подгонял капрал рядовых, сжимаясь от страха, так как знал, что последует за первой волной. Прогремел артиллерийский залп. «Рано, рано! Или...» – старший офицер оглянулся. Небо озарила алая вспышка, но на деревню не обрушился заградительный огонь. Грохот возник там же, где и утих, а снизу, с побережья посыпались многочисленные тени. «Диверсия!». «Капрал! Отходим. Нельзя пустить их за периметр!». Разведка ошиблась... «Предатели!». Наемники прибывали, заполняя окрестности, но подкрепления из резервов не поступало. «Где вы, в бездну, застряли, сволочи!». Боевой дух был утерян. Затяжная война вытянула из имперцев последние крохи мужества. Чтобы остановить вторжение старший офицер, пригибаясь, пересек холм, плюхнувшись на живот рядом с капралом. Тот был ранен и оглушен. «Отлично держишься, капрал, – быстро проговорил он, – и потряс того за плечи, – давай, капрал! Соображай... – заметив тщетность попыток воодушевить бойца, офицер приуныл, – здорово они тебя пригрели». Еще раздавались выстрелы с оборонительных позиций. Офицер высунулся, дабы оценить обстановку и залег на дне ямы. «Не все потеряно». Он изъясил набедренной сумки психостимулятор и вколол капралу в плечо. «Слушай внимательно, солдат. Передаю тебе последнее поручение. Видишь вон ту вышку, – ему приходилось срывать на крик, – тебе предстоит марш-бросок. Тридцать минут – успеешь?». «Вспомогательные батальоны...» – начал тот, озираясь. «Не перечить начальству! Ноги держат? Молодцом! Исполняй приказ! И помни – никому ни слова!». Рядом громыхнуло – это наемники пальнули из корабельного орудия, вспарывая землю. Число защитников стремительно сокращалось. Пока они еще не заняли высоту и не знают о том, что берег практически незащищен. Но, стоит наемникам переступить периметр, как весь остров ляжет на ладони. Офицер сжал плечи капрала: «Просто доберись и скажи „можно пускать“, – он сорвал с манжета свой жетон, – смотри, не потеряй, иначе все – насмарку. Жертвы... Короче, Бегом!». «А вы?» – в ушах еще гудело, и он намеренно затягивал время. «Продержимся до твоего возвращения. Ни слова, понял? Это твоя личная ответственность» – и подтолкнул товарища в спину. Капрал сорвался с места. Пробежал мимо стрельбища, держась ближе к земле. Меж тем, наступающие активно обстреливали засевших солдат, тесня на восток. Хлопок, и к подножию горы скатывается пара трупов. Он перескакивает через убитых и взбирается на горку, чтобы выйти из зоны прямого огня. Корабельные орудия дали залп, выбрасывая навесом тяжелые снаряды. «Как их не засекали на подходе?» – успел он подумать прежде, чем склон накрыла ударная волна.

Капрал вытянул руки, стряхивая сырую землю и сморщился, выплевывая грязный песок. Неподалеку доносились выстрелы, но так приглушенно, словно речь шла о километрах, разде-

лявших его и войну. Он ощупал голову – из ушей стекала тоненькая струйка крови. Солдат приподнялся у откоса и глянул вниз. Корабли нападавших горели, но берег уже был отдан наемникам. «Башня...» – вспомнил он о задании, и заковылял к цели, влача раненую ногу. Наконец, выстрелы стихли. Он отдалился достаточно, чтобы передохнуть. Присел на камень, откупорил флягу. «Пустая, зараза» – осмотрел со всех сторон и заметил в защитной оболочке трещину.

Теперь наступающим некуда отступить. Военные уничтожили их флот, а значит они пойдут в глубь острова – разорять и грабить его родные земли. Что скрывалось в той башне? Какое последнее оружие приготовил старший офицер от нашествия варваров? Вот у подножья мелькает знакомая униформа. «Подкрепление!» – он хотел предупредить их, но вместо крика из горла вырвался едва различимый хрип. Откинувшись назад, капрал проследил взглядом за удаляющимися товарищами. «На убой ведут...». Скоро наемники возьмут треть острова под контроль. Должна свершиться магия, чтобы заставить их пуститься в бегство. «Живей» – ударил он себя по щеке, и, накинув на плечо винтовку, вскарабкался на небольшой склон, откуда ему открылась шокирующая картина. Правый фланг – тот, что оборонял морской порт – был сдан. «Изменники!». Штрафные батальоны примкнули к противнику и уже рассредоточились по территории, устремляясь вглубь. Выбор непрост. Бросить своих, чтобы те задержали наступление ради призрачного шанса на избавление от захватчиков, или мужественно принять смерть рядом, понимая, что нет им спасения.

Он отринул дурные мысли. «Солдат, выполняй задачу!» и, набрав воздуха, спустился в пожарище. Бросок от укрытия к укрытию, прицельный выстрел – цель летит с обрыва. Капрал судорожно прячется за развалинами, вталкивая в магазин нарезные патроны, затем перезаряжает карабин и совершает бросок в сторону. Пули проскакивают мимо. Одна – сбивает каску, он падает оглушенный, но не сломленный. Отлеживается. С юга приходит подмога, призванная на помощь побережью. «Нельзя попадаться на глаза. Сочтут за дезертира». Капрал втискивается под обвал и укрывается в горящем доме. В ноздри просачивается густой дым, обжигая глаза, к коже липла копоть. Он еле сдержал кашель, выглядывая из разбитой рамы. Когда патрульные прочесали окрестности, капрал, на издыхании, вывалился наружу и, отдышавшись, продолжил движение к башне. Вот навстречу бежит оголтелый одиночка. Капрал взял его на мушку, но, разглядев берет, слегка опустил дуло, присматриваясь к потенциальному изменнику. Запыхавшийся новобранец сообщил об уничтожении складских запасов и зенитных орудий. Он выглядел напуганным, но капрал не был склонен оказывать снисхождения. «Прекрати трястись. Страхом ты подставляешь товарищей. Они рассчитывают на тебя, а у их надежды – руки ходуном. Каков приказ?». «Доложить начальству об...», «Да, я понял: у нас завелись крысы. Но твоя неуверенность – бесплатная услуга врагу. Решимость – ось нашей жизни. Лишь поступок, исполненный решимости, достоин восхищения. Вольно, солдат. Исполни приказ». «Так точно!» – отрапортовал рядовой и устремился вслед за удаляющимся отрядом. Капрал осмотрел карабин, и пошел дальше.

За перевалом он нагнал отступающих союзников. Разбитый батальон представлял плачевное зрелище. Раненые, пропитанные ужасом, они не держали строй. Плелись, пугливо озираясь по сторонам. Точно не солдаты, а выдохшиеся мальчишки. Капрал спустился в колею. «Почему их никто не преследовал? Кто, вообще, мог внушить страх элитному отряду бойцов и обратить их в бегство?». Ему нужно было получить сведения о дислокации наемничьих отрядов. «Кто начальник?». «Командует кто?». Он потормошил одного за плечо, второго, третьего... Он спрашивал, орал, рвя глотку над ухом, но его ропот не вызывал никакой ответной реакции. Бредущие люди были сломлены изнутри. Тогда капрал поторопился к началу колонны в поисках возглавлявшего ее командира. «Безнадега! Они тупо молчат!». Он опередил поток и встал напротив, целясь в людей. «В военное время», – заговорил капрал, но колонна прошла мимо, обтекая угрожающего ей офицера. Повисшие вдоль туловища руки, растре-

панная одежда, винтовки, сжимаемые в ладонях будто посторонние предметы, подавленный взор. «Они... словно загипнотизированы». Свист воздуха. Позади мелькнул белый плащ... И солдаты начали падать поодиночке. Капрал отошел в сторону, чтобы разглядеть – куда деваются военные. И заодно – избрать иную тактику. Но увиденное повергло его в шок. Их вырезали... Как домашний скот. Каждый пехотинец падал замертво с пробитым горлом. Мелькнул белый плащ, и очередное тело заваливалось на бок. Просветитель душил, ломал шеи, протыкал сердце со спины и исчезал, оставляя множасьи трупы. Заметив на себе его взгляд, капрал бросился бежать. Инстинкт подсказывал: хищник преследует жертву. Он спотыкался, срывал ногти, рвал штаны, униформу, но вставал. Все клеточки его изнывающего тела боролись за выживание. «Спасись!» – он позабыл о задании, метаясь наобум, а Просветитель, тем временем, уже истреблял гарнизон. «Башня! Я добрался!» – запыхавшийся, капрал постучался в железобетонные ворота. Тишина. Он приложился ухом: изнутри доносились отчаянные вопли. Обойдя форт, он обнаружил небольшой лаз – кто-то устроил подкоп. Земля выглядела свежей, но где саперы? Капрал протиснулся в рытвину, и вынырнул внутри укрепления. Он осмотрел следы сапог. Яму явно сделали изнутри. Неужели никто не озаботился работающими предателями? Может, и секретное оружие – уничтожено? Он прокрался мимо грязных тентов и выглянул на площадку.

В форте царил паника. Солдаты хватались за ружья и бежали к главным воротам. Поодаль, близ башни, тройка рядовых сваливала трупы товарищей. Похоже, дивизион остался без командиров. Башню неотлучно сторожили двое караульных. Их нервный взгляд был прикован к побережью. По соседству работали инженеры, пытаясь вернуть в строй крупнокалиберные орудия.

Кaprал не знал, на чьей стороне гарнизон, и лишний раз не рисковал, высовываясь лишь по необходимости. Он выполз из канавы и совершил пробежку вдоль дощатых барачков. Заглянул в один, отодвигая натянутый брезент. «Военный лагерь?». Когда он очутился на открытой местности, единственным прикрытием служил железный настил. Пришлось сделать крюк, чтобы подобраться к башне незамеченным. На пути он столкнулся с часовым. После короткой схватки ему удалось уложить охранника. Капрал повалил нападавшего, и, забрав спину, придушил. Рядом валялись мотыги, армейские лопаты. Кажется, солдаты рыли траншею для прокладки кабеля. Сам он был соединен силовыми тросами и что-то усиленно качал в обнаженную трубу. Взглянув поближе, капрал увидел пулевые отверстия. Перешагнул через кабель – на его ободке следы кирки. «Солдат пытался сломать его?». Оттащив тело за угол, капрал вернулся к траншее. Рядом висел указатель – «электроподстанция». Осторожно выглянув за пределы укрытия, он прикинул расстояние до вышки, и мелкими перебежками пересек опасное пространство. Очутившись под лестницей, резко затормозил. Как выманить караульных? Он тратил драгоценное время на выжидание! В этот момент, пока он сидит в безопасности, его товарищи гибнут, отдавая жизнь за родину. Он выдохнул, и высунулся, решительно метя в голову. Солдаты среагировали, он нажал на курок... винтовка дала осечку. «Твою...». Секунды растянулись в линии. Вот военные вскинули карабины, взвели затворы... Белая вспышка. Сумасшедший взрыв прерывал тишину, вспахивая склоны. Снаряды врезались в укрепления, разметая гарнизон и срезая людей наповал. Долина покрылась воронками, поля – горели. «Война». Конец для виновных и невинных. Дым кромсал чистое небо, и ненавидящие друг друга содрогались от ужаса, чтобы в тот же миг пасть замертво. Затем засвистели пули, рядом разорвались снаряды. Земля задрожала, стена гарнизона покрылась рваными трещинами и рухнула под градом пламени. Караульные поспрыгивали вниз, а капрал бросился к лестнице.

Он едва успел взбежать на вышку и запереть дверь на засов. Сердце колотилось, отдавая в пульсирующие конечности. Капрал без сил сполз по стене на пол и прохрипел: «запускай оружие». Из ослабшей руки выпал жетон, и тогда Смотритель повернул рычаг...

Несколькими часами позже:

«Это похоронит побережье, но спасет город» – думал он. На деле вышло куда хуже. Зеленые клубы газа рванулись из трещин в сухой земле, охватывая горизонт. Высвободившаяся масса сеяла смерть, растекаясь по долинам. Могучие потоки пересекли обозримый простор и устремились в город. Только тогда капрал догадался, зачем вдоль острова прокладывали трубы. «Они использовали каналы водоснабжения под яд».

Вместе со зрителем они забаррикадировали дверь. Капрал уселся на кресло перед мерцающими мониторами. «Теперь мы совсем одни... Не могу в это поверить... Неужели телекоммуникация разорвана? Неужели проводки – единственное, что питало жизнь, не подавали признаки жизни?». Когда он увидел газовые столбы, то бросился к телефону, сорвал трубку и яростно принялся названивать в город... Кому? Семье. Прошел час, второй. Газ еще оседал, поэтому вылазка откладывалась, но он непрерывно висел на связи, вслушиваясь в повторяющиеся гудки. Изолированный в маленькой комнатке, подвешенной среди темного неба. Пожалуй, таково вековечное одиночество: некуда выбираться, кругом – смерть, звенья разорваны, безответная тишь, перерастающая в вечное молчание. Капрал с опаской выглянул в окошко, но обесточенный город безмолвно стоял вдалеке. Там, за предгорьем, покрытым инеевой пленкой, держалось все его существование. И лишь тонкий проводок решал: соединить или отказать. Обесточенный город проникал сваями в плоскогорье. Капрал сжал губы. Казалось, гудки проходили насквозь, не задерживаясь в его стенах, и точно так же бумерангом возвращались назад. Где-то там в толпе многоэтажек затерялся ответ, расплющенный среди камней и утесов. Поверх стального горизонта веером расходились тучные облака. Точно так же и он когда-то пропадет в неизвестности, раздавленный войной. Какого-нибудь дальнего родственника известят телеграммой, и кончено. Подведена черта, а так хочется надеяться на многоточие... Телефонная линия осеклась. Темнело, пучки электрического света роились под потолком. Сгущались тучи. «Опять эта серость, тошнит...». Он вновь брался за трубку, напускал на себя серьезный вид, чтобы та не посмела молчать и ждал, глядя на восток. Там... в верховье рек, за расселинами и гребнистыми оврагами была целая страна детства, юности, и зрелости – самого прекрасного возраста возможностей, перспектив и новых свершений. Ее приток он защищал от гибели.

Громкое воспоминание напоззло на темное видение. Весна. Детский плач, звонкий девичий смех. Ребенок ехал на старом велосипеде и стукнулся колесом о бордюр. Отпала педаль, спала треснувшая цепь. Он слез с велосипеда и заплакал. Выбежала сестра, поучая «не кататься на старой развалине». Капрал заметил ее причитания, направляясь в госпиталь. «Чего случилось?». «Да вон, вляпался братец в очередной анекдот». Солдат попросил ребенка позволить осмотреть велосипед. Тот утер слезы и с важным видом произнес: «разрешаю». «Звенья помещаем, педали тоже. Колись: где достал?». «От деда» – коротко ответил малыш, смутившись. Капрал сбегал в мастерскую и вернулся с инструментами. Полтора часа, и в полдень довольный ребенок забрался на новую сидуху. Пекло голову, сухой воздух нес частички придорожной пыли. «Духота». Капрал отер со лба пот. Сестра, следившая за работой с веранды, принесла чай и сушеной рыбы. «Благодарю, – он принял чашку, – я видел твою форму. Семья врачей?». «Да, за поколения нагляделись крови. К счастью, война закончена. А ты куда путь держишь?». «В призывную комиссию. Ищу ребят, отлынивающих от службы родине. Но это так – разминка. Числюсь пограничником. Пока – сократили и перевели в запас». «Ты не местный?». «Смотря зачем спрашиваешь» – улыбнулся он. «К чему такая таинственность?». «Время беспокойное, то котят спасаешь, то шпану разнимаешь...». «А ты, я вижу, шутник». «Просто скромняга». За домами прокатился поезд, пышущий дымом. «Хорошее местечко. Часто возвращаюсь сюда после тяжелых будней». «А у меня, наоборот – вся родня разъехалась по городам». «В поисках богатой жизни?». «Да брось! Братья – на заработки, остальные – к развлечениям. Здесь то весь досуг – трудовой день. Говорят – живешь как под дышлом, куда ни сверни – степь, а обернешься – работа. Не знаю... Мне, наоборот, дышится свободнее. Никаких документов, кип

законов, негласных правил, все от тебя зависит. Как день проведешь, таковы и последствия. Не спорю, иной раз приболеешь, вспомнишь о своей глупости. В городе и гарантии, и выплаты, а мы так – каменный век». «Ко всему привыкаешь» – ответил задумчиво солдат. «Что – утомила крестьянскими разговорами? Я и сама бы переехала, – произнесла она с сожалением, – но как чума сошла на нет, медперсонал сократили. «Не думала переучиться?». «А как же призвание? Видишь, в городе как устроено – тебя понуждают изменяться под рынок, подстраиваться. Ничего личного. Откажись в угоду чьим-то потребностям, будь их марионеткой, чтобы потом, в необозримом будущем стать тем, кем тебе изначально положено». Слоистые облака мерно покачивались на ветру. «Может, она и права? – подумал он, глядя на рябящие изгороди, к коим подступали вечерние тени, протягивающиеся с колокольни за поворотом. Вокруг все осязаемо и не эфемерно. Реально терпкими запахами, неповторимым упрямством природы. Трухлявая изгородь, нежная кожа сидящей рядом девушки, ее пытливый взор, душистый вереск, согретая солнцем свежескошенная трава. Непринужденный перезвон колоколен. Приятный запах, разлетающийся с пекарни на углу. Ребятишки, несущиеся по домам с корзинами свежего хлеба. Пряча буханки под рубахи. Здесь нет навязчивого будущего, а возможности – без страха. Каждая забота – это человеческая забота, вне заброшенности, оставленности, чьей-то дурной произвольности. Такая картина напоминает неподвижный пейзаж, где все предметы и люди сцеплены во множество сюжетов, присутствуют вплотную, до неразличимости. Но, в то же время, она задает размах с намерением охватить целый мир, без границ, препятствий или рамочных условностей. Эмалевое небо окутывает горизонт не для того, чтобы сомкнуться, а, ради плавного перехода в земную ипостась.

«Для свободолюбивой особы, вы чересчур полагаетесь на предназначение» – произнес солдат, переживая непривычные, порой, дискомфортные чувства. Он чересчур приручился к стертым городским улицам, где время наперечет, а движение – только ввысь. Люди смотрят вокруг, но не видят себя. Пребывают как бы в подвешенном состоянии. Там приостановка означает смерть, а колебание – трусость, которую искоренят на терапевтических сеансах. Им (жителям столицы) всегда ставили в заслугу способность распознавать незримую опеку над незрелыми душами и вводить в общество этих отщепенцев. Но долгое нахождение за пределами городского уклада, постоянные командировки, смена обстановки, коллектива, духовного сопровождения формировали в нем несколько иные взгляды.

Он бегло осмотрел утонченную фигурку. Сквозь одежду было видно: девушка худа, хотя формы дополняли полновесные бедра, прикрытые белой юбкой. Выющиеся каштановые волосы обрамляли овальное, слегка сжатое лицо, светло-серые глаза укрывали длинные ресницы.

Из окна выглянула бабка и резким голосом позвала девушку назад. «Мне пора, – затопилась она, и, как бы в знак оправдания произнесла, – собираюсь в Остермол». «Отлично Я как раз туда еду. По службе». «Притормози э...». «Мы так и не представились. Я Дион. А вас звать?». «Ценю твою уверенность», – лучезарно улыбнулась она в ответ, и скрылась за дверью. «Вот и познакомились» – подумал недовольно солдат, но удаляться не спешил. Когда весь этот производственный ад закончится, и строительство новой столицы переведут в завершающую стадию, он вернется за ней, а там – пусть судьба рассудит: сойдутся их пути или нет.

Прошло немного времени. Девушка вприпрыжку выбежала с чемоданом на крыльцо. «Новый наряд» – отметил он удовлетворенно. Казалось, она делала вид, что не заметила его присутствия, но вот, лицо озарила хитрая улыбка. «Как мне до вас достучаться?» – поинтересовался солдат, готовый уйти. Девушка выдохнула. «Ну, сперва, помогите дотащить чемодан. Я с ума сойду, пока доковыляю до станции». «Невысокая плата за имя» – проговорил он, разминая мышцы, и вместе они отправились к железной дороге. Грунтовая тропа, ведущая к посадочным платформам, была усеяна выбоинами, точно по ней прошла ковровая бомбардировка. Слева – невысокие травянистые кустарники, справа – потрескавшаяся от зноя, голая земля. Над небольшим леском сформировалась белая пелена – то цвел Сухостой. Пыльца раз-

носились от котлована, выглядывающего из-за растительности, вплоть до перевала, куда уносился поезд, скрываемый горными массивами. Они шли совсем одни, лишь пылевые вихри нарушали грозное спокойствие лесостепи. В отдалении, где небо смыкалось с горами, хлестали алые молнии. Изредка доносились резкие хлопки. Девушка испуганно пыталась ухватить сжавшимся кулачком воздух, но, секунду спустя возвращала самообладание. «Странно видеть, как медсестра, повидавшая немело болезней и смерти, боится грома». «Неожиданность. Только и всего». Дион улыбнулся, заранее подводя правую руку, и, в следующий раз, когда девушка вздрогнула, ее рука обхватила именно его ладонь. Он как бы случайно сжал кисть чуть ниже запястья. «Я не против», но девушка отвела руку, слегка разрывая дистанцию.

Мимо, тяжелой походкой пересекал местность старик. Заметив путников, он приосанился и хмуро заворчал, перекидывая на плечо мешок с хворостом. Он вынырнул из-под кустарников и, так же внезапно скрылся в пшеничной россыпи.

На станции было пусто. Дион сложил мешок на каменную плитку. Осмотрелся: ни скамеек, ни козырьков. Чистая платформа, освещаемая двумя газовыми фонарями. Девушка достала из передника маленькое зеркальце и встряхнула волосами. «Не скучаешь по дому?». «Как-то не задумывался „где он?“». «Ты – не частый гость в нашем поселении». «Здесь жил мой дед, я возвращаюсь к нему, ухаживать за садом. Все растения, цветы устойчивые к жаре. Древесный листовик, Огнежар, Кремнецвет, остальным – нужен умеренный уход. Вот, возвращаюсь, приплачиваю соседке. Дом перешел по наследству. Остаться бы навсегда, комнат много, просторный, да служба. Долг зовет. И, честно признаться, отвык я от постоянных пристанищ. Это так – далекая мечта, спасательный круг, последний оборот винта перед причалом». «Ты довольно пессимистичен». «Почему же? Жизнь зовет! Задержишься тут – опоздаешь там. В художественной школе такой взгляд называли перспективой». «Ты окончил школу искусств?». «Нет, вылетел за прогулы и нарушение базовых правил рисунка. Зато мой талант проявился в ином ремесле», – он с удовольствием погладил пустую кобуру от револьвера. Нещадно палило солнце, призывающее все живое обратиться навстречу свету или броситься во мрак, прочь от проникающего воздействия, невидимого присутствия вечно отыгрывающейся природы. «Куда податься?» – и, автоматически пришел ответ – в строительную бригаду. В голове всплыла масса ассоциаций. Вначале объявились негативные образы, в частности одного неприятного типа, но он сразу прогнал их, как врагов. То ли дело приятные вечера, где каждый делился друг с другом своими надеждами, видением будущего, проектом дома и хозяйства. Из минусов: утомляли постоянные отписки. Бумажная волокита с рапортами, директивами, которые писались в ответ на спускаемые сверху директивы социальной линии развития. Но он – хотя бы понимал их необходимость, чего не скажешь о «частных лицах». Был один бунтарь. Видите ли, ему наскучило «страдать у станка». Приспичило думать на производстве, пока трудятся товарищи. Вначале с этими маленькими капризами обходились терпимо. Советовали посещать коллективные собрания, высказывать свое недовольство и неудовлетворенность в проблемных группах. Уверяли – что, исправь он свое положение и переедь в более благополучный район – ситуация сгладится, но нарушитель упорно настаивал на своем. Ему про то, что «производительность падает, города из-за таких не видать!», а он: «просвета не видать от ваших наставлений». После трудодня ввязывался в вечерний отдых изнуренных рабочих. Мешался, в глаза вглядывался, спрашивал: «Чуешь? Витаает!» – и, самое главное, – смущал ребят. Зазря вызывал чувства вины, злобы. Заводились разговоры о счастье, несчастье, и тугодум этот поддакивал. Видать – правильно мыслите!

Подумывало начальство – что он шпион, подрывающий безопасность. Меня назначили следить за ним. Было как-то неприятно, подпольным человеком себя ощущал, а куда деваться? – записывал все его перемещения, действия в книжечку. Для отчета. Мысли – дорисовывал, но не вышло складной картины. Бунтарь вел вполне обычную, скучную жизнь. Еще бы

не жаловаться на скуку! Только ходит, оценивает да размышляет. И то – как-то однобоко, не видя перспективы.

А товарищи... Выходили на следующий день работать: рыть канавы, прокладывать каналы, строить мосты под торжественный гимн, а нет-нет, да озлобленные. «Я бы лучше еще поспал» – скажет один, и второй поддержит. Сплошное негативное влияние на общее дело. И гимн мешал – «однообразный, хоть бы поменяли» – ворчали рабочие. Как им объяснишь, что заразились хандрой? Архитекторы, венценосцы идеи, проектировавшие город, и те – приуныли. Даже с почтением поглядывать начали на неопрятного проходимца. «Нам предстоит питаться, чтобы защищать труд, и трудиться ради пропитания», – вещал тот под нос, точно проповедник. Какое хамство! – говорить о себе, выдавая за «нас» свои домыслы.

Лишь музыка соединяла всех разрозненных людей в общее, значимое для общества, дело. «Наверное, дух в песне открывается. Он то и победил старческий маразм, провозгласивший себя выше коллектива». Тем временем, пришли новые планы застройки. Конечно, сроки подгоняли, нагрузка увеличилась вдвое, но люди справлялись и не отступали. Худые, голодные, однако, увлеченные. Дух все победит, не околеет: и разлуку, и невзгоды, и тяжбы, взваленные судьбой.

Помнил, как подгоняли. Все шли добровольно, а он – как пленник. «В темпе работай, в темпе!» А он гнул свое: «выбиваюсь». Мало рук, недобор – потому и терпели.

«Смысл положено искать во внеурочное время! Два часа в штрафной!».

Уж тогда мужики подумали, что вернется он совершенно измененным. Про штрафную бригаду рассказывали немислимые вещи. Весь сброд наперечет, вправят мозги вшивому «интеллигенту». А тот вернулся оттуда более убежденный, чем обычно. «Каково пришлось?» – спрашивали с любопытством, и сухой ответ: «догадки подтвердились». «Невыдержанный, легкомысленный, смутьян, признаков шпионажа не обнаружено, но имеются все черты полагать душевное расстройство» – фигурировало в отчете.

Привлекли за халатность. Ну, в карцер поместили, а толку – никакого. По освобождению, продолжал отлынивать. Приставал к товарищам. О прощении говорил, о беспокойстве ума, сознательном напряжении. «Чтобы не на убой вставать, а за утро». Кто-то гнал в шею, кто-то прислушивался. Ночью присядет у коек, зажжет керосиновую лампу, да приговаривает: «как вы – добрались до коллективизма?». А людям невмоготу. Они днем – то не на себя глядят, а в землю – складывают материалы, зачищают местность, роют котлованы. В строевой подготовке – не на друг друга, равняются на линию развития, а он призывает оглянуться, да не на результаты труда, а на соотечественников и собственное «бедственное положение». Опухшие ноги, сухие лица, выпирающие вены на руках так, что заслоняли шероховатую кожу – какое там вдохновение, до мерзости противно, вот и выискивали предметы куда бы отвести взгляд. И, ведь старается, гад, не попадает под статью! Урезали паек – валился с ног, но упрямылся как горный козел. К чему? – спрашивается. «Мясо нужно...» – советовали мужики, а он опять: «для чего? Не понимаю ваших пристрастий, трупоеды». Откусит ломоть хлеба: «пищу глотаем, как должное, а вкуса не чувствуем!». И, вроде, как прав он, да где взять качественное питание? Еда в дефиците, по распоряжению начальства пайки урезаны, чтобы хватило до зимы. Там – следующий завоз. Все расчерчено, расписано по государственному плану, изволь подчиняться и товарищей – не подставлять. Выручай в беде, неистовствуй, но помни о долге. И снова влезает старый. «Строите, а вас на труды человеческие – не хватает! Дом готов, а человек – распался. Покуда страдать?». «Измор – не работа, вы сами знаете, ночами шепчетесь». «Кто тебе сказал?» – рассердился каменщик. «Да так...». И вот, возводится новый объект, размечены основные границы. Простуженные, но хлопотливые работяги усердно влачат помост, пока один не срывается и его не придавливает чугунной решеткой, ломая ногу. Вытаскивают потерпевшего дабы оттащить в травмпункт. Скорее ищут замену. И тут вмешивается «он». «Родились, живете неразлучно, а умирать-то не понарошку». «Да угомонись ты,

дедуля. Не видишь – заняты люди!». «Вы говорите – терпение, мой друг, скоро постройки... Оставьте себе их! Верните надежду!» – закричал старик, стуча палкой по трубе. Изумленные работяги приостановили рытье канав, укладку кирпича, сборы металлолома и укрепление стен. Старший по смене чертыхнулся. «Завязывайте с ним! К работе!», но народ не пошевелился, будто тонкие струны остановили оползень. «Караул! – вскричали с вышки, – шахтеры кирками стучат!».

И опять позвали Диона. Смущающее несоответствие между «проступками» рабочих и требованиями начальства вызвало у него негодование, но он прикинул во что обойдется вынужденный простой, как семьи этих трудяг будут голодать из-за странной прихоти, и привел указ в исполнение. Вначале он толкнул речь. Не послушали. Тогда, чтобы сбить оцепенение, Дион сделал предупредительный выстрел в воздух. Получив «толчок», каменные статуи ожили, и продолжили правое дело. Изредка случались протесты. Обычно, обходилось без подавления. Вразумленные рабочие диву давались, чего это побросали орудия и возобновляли производство. Начальство отчитывалось об успешном искоренении враждебных умонастроений. Все в общем темпе двигались по протоптанной колее, и из скромного городка шахтеров поселение постепенно разрасталось до городских масштабов. Снова доложили на старика Сувановича. «Фамилия то какая – не наша... Черт забугорный. Из родной деревеньки выжили, так товарищей пытается рассказывать своими». В целом – тип неприятный, да безобидный. Не бить же деда?

Все бы ничего, но как-то раз один рабочий взял, да бросился со строительных лесов. Разбился насмерть. Долго спрашивали, выпытывали – кто сподвиг его на лишенное разумного основания самоубиение? Крайним нашелся старик Суванович. Его то и заметили спозаранку, вьющегося поодаль. Кружился подле юноши, заговаривал, «кровь ему баламутил!». «В могилу свел, старый хрыч!» – причитали женщины.

Тут терпение администрации закончилось и его уволили, лишив пенсии. К счастью, ситуация с самоубийством и выдворением сгладилась включением электричества на строительных лесах. Протянутые гирлянды зажглись, соединяясь в строгий узор, и украшенная рабочая станция подняла общий настрой, изменив тон городка. А уж чего стоил гул электроподстанции, сплотивший дух трудящихся. Казалось, и сами люди окрепли от ее строительства. И молодняк, и стариков брала гордость за проделанную работу. Там праздник подоспел. Пили ребята вволю, но умеренности не нарушали. Кто хапнет иной стаканчик – отведут в угол, прочистят желудок, и в строй.

Годом позднее обещали заняться центральным отоплением. На земли наступало длительное похолодание. Пока же – согревались древесным углем. Один рабочий заделался оратором. «Энтузиазм не затушить жалобами, он – изнутри, из сердца народа! Цена, достоинство человека – в сознании заключено, и развивать его надобно, – назидательно поучал он, потом прервался, колыша в памяти дальнейшие слова, – полно изложил ведь? – засомневался он». «Верно!», «Молодец!», «Отлично сказано!» – прибавили товарищи, и они набросили штопанные куртки и налегли на лопаты. Дион запомнил тот день: работа перед приездом высших чинов выдалась особенно тяжелой. За сутки предстояло достроить командный пункт. Запрягли всех: от подростков до военных. К вечеру сотни рабочих валились с ног. С трудом переволакивая конечности, они наведались в столовую и растеклись по баракам. Иссяк керосин, лампа погасла. Грудь грелась одним воодушевлением. Многие в то день словили воспаление легких. Однако, никто не жаловался, и поутру рабочие, солдаты, женщины и дети собрались на площади, чтобы заслушать новости из центра. Прикатила повозка, на трибуну взошло грузное тело, вскрывая поданный конверт. «Трудоспособные граждане, члены общины!» – раздавалось в громкоговорителе торжественное приветствие, и поплыла заготовленная речь. Рабочие встретили его выступление неодобрительным гулом, но, как выяснилось, это прибыл помощник, а сам ожидаемый руководитель задерживается ввиду тесного расписания. «Издали едет, важный чин» – перешептывались в толпе. «Когда прибудет то?». «Слышал, на подъезде».

Узнав, что их собирается посетить не кто иной, как организатор всего движения, рабочие успокоились и стойко переносили непогоду. Наблюдая со стороны, Дион облегченно вздохнул, убиравая револьвер. Жители простояли два часа кряду, пока на рельсах не засвистел поезд, и вагон не привез их партийного лидера и духовного наставника. Седовласый мужчина сходу сбросил с плеч должностную мантию и устремился к трибуне, провожая предыдущего докладчика. «Дорогие труженики тыла, на самом деле мы – на передовой общественного развития! – сходу бросил он, – приношу извинения за вынужденный простой. Я знаю – вас оскорбляет снисходительное отношение, потому откровенно заявляю: отныне я беру вашу стройку под свою персональную ответственность. Да, имеются задержки с продовольствием, трудности. Природа бросает нам вызов, поэтому я предлагаю судить не с высоты царской колокольни, а спуститься к рабочему классу. Жить и трудиться на равных. Завтра мы приступим к кропотливой работе по изменению жесткой земли в фундамент общественного благополучия. Вам привезут оборудование, установят почтовый ящик, куда вы сможете докладывать о нарушениях трудовой дисциплины и злоупотреблениях начальства. Почта строго охраняется, подле ящика назначаю круглосуточный караул. А теперь, поговорим о том, чего мы достигли», – и потянулась хвалебная ода рабочему. Попутно, раздался приказ, и рабочим вынесли из поезда первую партию утепленных фуфаяк. «Производительность труда выросла на двенадцать процентов! – произнес он торжественно под бой барабанов, – в этот переломный момент, когда рука человека точит камень, как никогда важна преданность своему делу. Мы решительно двигаемся вперед, сплоченные, единые общим достоянием человечества! Каждый из вас – герой труда, заслуженный член общества будущего!». Рабочим вынесли чай, слегка разбавленный коньяком. «Хорошо речет!». «Пока – отложите подсобные радости, но час наш близок! Скоро мы все станем первыми жителями. Мы – основатели крупнейшего центра мира, завершим преобразование унылого прошлого в полдень человечества!». Жители слушали его внимательно, впитывая каждый звук, жест, намеки, лишь один старик Суванович назойливо чесался, изрядно расстраивая общее чувство довольства. «Точность, терпение и труд – три качества, на которых они возвели наследие, отсутствовали у корчившегося деда, поэтому он умышленно портил впечатление от воспроизведения чужих заслуг». Дион подумывал арестовать его за нарушение публичного режима, но товарищи по цеху придержали за плечи. «Остынь, пусть кривляется. Он век свой отжил». Под конец оркестр запустил гимн, и так сладостно было это чувство, подхватываемое тысячами глоток, ревущих в унисон. Люди брались за плечи, братались, радовались, плакали точно в каждом встречном узнавали давнего родственника. Всеобщий восторг, воскресшая юность, сцеплял людей. Дион отделился от воспрянувших товарищей и подошел к солдату, вербующему добровольцев. «Запишите?». «Бывай служивый. Нам новые нужны, – проговорил ворчливо офицер, – на таких как ты, страна держится. Обученная боевая единица! Беречь надо труд чужой, а ты в подвиги лезешь». Дион сокрушенно вернулся в строй. «Не забывай, зараза». И снова назойливый голос дармоеда. «Едите меня, других... черви, и довольствуетесь этим» – прошептал старик и удалился с «концерта».

Вызвали бригаду, связали деда и уволокли в лечебницу. Дион до сих пор помнил едкий запах, источаемый его пастью, телесную вонь и непрерывный, лихорадочный бред. Там его живо приняли на учет и пригласили сопровождающих оценить качество терапии. Каких способов он не навидался! Буйство умирляли водой, сталью, целебным голоданием. Прикладывали припарки, кололи растворы, вешали и качали вниз головой, но, самое интересное заключалось в результатах. Часть исследований показала эффективность принудительных методик. В тот день старик окончательно выпал из мира, став совершенным инструментом послушания. Конечно, он не прекратил излучать свои болезненные убеждения, но, куда меньше докучал другим. Позже его перевели в общую палату, где он и провел последние месяцы.

Под конец его, вообще считали городским сумасшедшим. «Увечный свое мелит. Чудовищно неисправим!». «При смерти, стервец, а возникает!» – сетовали соседи по палате.

А переводить некуда – лечебница забита до отвала. Опять вызвали Диона, как ответственного за трудовую дисциплину. «Чего он натворил в этот раз?». Явился главврач, рядом, на койке бесовестно стонал «виновник» инцидента: «Больно существовать!». «Ты и пациентам не даешь на поправку идти» – злобно процедил врач. Дион дал добро, и деда увели в погреб. Туда, где тесали гробы. «Заодно пройдет курс Трудотерапии при лечебной мастерской». «Верно! И государству пользу принесет, обеспечив себя необходимым» – говорили обрадованные медики.

Увы. Неделю спустя снова вызов. «И мышей распугал» – изрекли недовольные рабочие. Так гоняли по баракам, пока не выпроводили на окраину в полуразрушенную избу, окруженную пустырем. «Под стать место развалине». Только он освоился, как ко дверям нагрянули рабочие. Контролером опять назначили Диона. «Так и так, положено освободить помещение для строительства котельной». «Как же быть, где жить то мне?» – возразил старик, но его насильно выволокли наружу. «Как-нибудь обустроишься в канавке» – громыхнули рабочие, «А я... – подумал Дион, – молча поддержал их». Вскоре из пустыря выложили площадь, болото расчистили, перекинули мост, а старика перевели в старый барак. Обвинения в безумстве сняли. Больно он прижился, да и за ум взялся – подрабатывал...

«Недоверчивая ты собака, – сказал начальник, выдавая жалование, – и философия твоя – тупиковая», а тот просто прикрыл дверь: «не шумите, голоса распугаете». Днем позже скосила его болезнь. Приходил врач, удивился молчаливости пациента, выписал лекарства и назначил сиделку. Долго отказывался старик глотать таблетки и пить отвары, лишь жажда заставляла отступить от принципов. «По счастью томитесь! Мучаемся без причины!» – воскликнул он пред смертью. Спекшиеся губы изрекли скудный вздох и обездвижились. А, когда остригли перед погребением, выяснилось, что за зарослями волос и облезлым затылком скрывался вовсе не старик. Хрипящий голос, дрожь в конечностях, складчатая кожа – все выдавало то, кем он не являлся. Проводы вовсе хотели отменить, но инициаторами оказались все те же архитекторы, да десяток-другой рабочих, прислушавшихся к его сумасбродству. И вышли похороны как-то неловко. «Как его по имени?» – спросил молител. Тишина. Переглянулись – никто не помнил. Началась хвalebная речь, а чего сказать о мертвеце, нарушившем большую часть добродетелей? «Давайте признаем, он был честен...», но выступающего перебили, и тогда он внес в речь поправку «честен перед самим собой». Угрюмые лица проводили «старика», и набросали поверх земли, осевшей тяжестью на рваные лохмотья. Гроба не нашлось. Вбили колышки для ориентира, на том и покончили. «Без излишков жизни» – как он и выразился накануне.

– О чем-то задумался? – беспечно спросила девушка, ощущая себя потерянной на пустой дорожной станции.

– Дурные воспоминания – сказал Дион, и сам поймал себя на том, что едва не впал в схожее «беспамятство». Уже намек на образ жизни бунтаря расстраивал задуманные планы жизни.

После смерти «деда» и старуха объявилась. «Не хочу рожать – заявляла женщина, – дитя закласть в фундамент нашего устройства». Последовал выкидыш. Сошла с ума, и похоронили рядышком, под глиняной насыпью. «И старуха – не старушка». То другое – но настырно вторглось в память против воли Диона. Все слилось в неразборчивое месиво. Старые люди явились в молодых телах и ушли, как и отжившая свое религия. Когда-то и Боги бродили по земле. Явились из глубины веков, озарив черный небосклон... А затем оставили земли, сделав Поднебесья глухими к человеческим мольбам. Откуда в темноте бессознательного берутся эти неисследимые мысли, потеснившие законный порядок? «Человек согласен двигаться ради эволюции, но не под гнетом страха, занесенного богами вкупе с бесполезной верой. Теперь же, благодаря безмозглым идолам, он точно вуалью окутан трепетом упущенного времени» – подумал Дион.

Раздался гул приближающегося поезда. Офицер повернулся на звук, и девушка заметила редкие проседи на его затылке. «Бедняга». Локомотив несся навстречу, упираясь в пути скрипучими тормозами. Заостренный нос отливал бронзой, из боковых труб вырывался густой

пар, вздымающий пыль. Платформа завибрировала, рассеивая дробь. Дион сделал шаг назад, отводя за собой девушку и выжидая, пока поезд окончательно замрет. Щелкнули замки и горизонтальные двустворчатые двери открылись, впуская путников. Из кабины вышел машинист, простукивая колеса.

Их посадили в товарные вагоны. Уселись в первом ряду. Скамьи размещались близ небольших прорезей, заменяющих окна. Дион отодвинул задвижку, пропуская ветер и солнце. Позади грузили мешки с зерном, наполняя пустое пространство вагона.

– Отрешенность тебе не к лицу. Старит – прокомментировала девушка.

– Соглашусь, противная черта. Поди, догадайся, что в голове паразита общества.

– Ты так смешно хмуришься, когда чем-то недоволен – произнесла она, сдерживая хохот. – Думал, выгляжу серьезно.

– Это так важно?

– Что?

– Быть тем, кем думаешь.

– Уточни...

– Не собой.

– Не знаю. Как-то мы забрели в дебри мудрствования.

– Передумал срубать заклятого врага? – ехидно спросила она.

– Ты нарочно меня подстрекаешь, или...

– Просто указываю на скромный недостаток. Мы ведь не брат и сестра, чтобы притворяться – лучезарно улыбнулась Катрин.

– Хочешь сказать солдаты – самодовольные упрямыцы?

– Я хочу кофе.

– Ранние подъемы замучили?

– Я о клубах.

– Предпочитаешь мужское общество?

– Нет, это единственное место в городе, где тебя не обдерут и не сочтут улыбку неуместной.

– Наши реакции основаны на древних инстинктах.

– Зубрила.

– Эта формулировка – единственное, что я вынес из курса по менталитету, – засмеялся Дион, – просиживал штаты, чтобы при первом удачном случае слинять на стрельбище.

– В имперских университетах осмеивают богов?

– Кто в своем уме... Ладно, намек принят. Может, это и не мое мнение, – начал он осторожно, – из нас годами вытравили допущение о высших силах.

– А клейма? Я слышала, они дают контроль над судьбой.

– Ты об этих... символах. Меток не существует. Сказку об отверженных выдумали сами преступники дабы оправдать свои злодеяния.

– То есть ты ни разу не встречал меченых?

– Видал одного, в клетке. Единственное преимущество отметины в том, что оно светится.

Глаза режет, будто на солнцепеке после заточения. Ловить гадов легче. Впрочем, довольно обо мне.

– Не заблуждайся на мой счет. Я люблю задавать вопросы.

– А я – получать ответы.

– Настаиваешь?

– Мы разговариваем битый час, а я узнал о тебе ровно столько, сколько мог прочитать бы в какой-нибудь газете.

– И кто виновник сего происшествия? – лукаво спросила девушка.

– Может, перейдем к фактам?

– Мне кажется, ты не искренен.

– Почему ты так считаешь?

– Никто искренне не интересуется мной. За всем скрыт определенный подлог, понимаешь, о чем я? Что-то делается ради совершенно иного. Желая одно, люди выстраивают цепочку к своим целям через то, что выглядит совсем другим. Это ведь понарошку, нельзя быть вечно ненастоящим! И все же, в городе я наблюдала именно поддельную теплоту, фальшивое обольщение, чужое гостеприимство, даже обыкновенные объятия – по расчету, ищут взаимности! А если я не хочу? Если я не вижу смысла в сближении, обязательно навязываться? Представиться кем-то иным, чтобы когда-то в отдаленном будущем выдать себя.

«Ну и сыр бор в голове у девушки» – подумал Дион, удивляясь, как он проглотил ее «простоту», и вот – парой часов спустя – очутился подвешен на удочке смутного чувства.

– Предпочитаешь ломать голову? – произнес он.

– Мне пустить слезы умиления?

– Нет же! В деревне ты была... кхм... Иной.

– Адаптируюсь – бросила она, тоскующе глядя на приближающийся пригород.

Напротив скользила замалеванная степь. Алое зарево поглотило перистые облака. Вдалеке, за багровым туманом, блестела лесная кромка. Такая маленькая и незначительная, сливающаяся с мелким кустарником. Как изрезанная тень. По иную сторону вагона одинокий пассажир всматривался в белесую гладь – то изрытая земля, закатанная в серый бетон. Дневной свет придавал оттенок безликому пейзажу, но и он спотыкался о пустыри и выжженный травяной настил. Дион думал о себе, своих чувствах, о соседке, касающейся его бедром, ее одежде, о грядущей войне. Ветер ворошил волосы. На лицах редких пассажиров затаился легкий румянец. Городские жители слепы, не то что бывалые солдаты. Первые строят планы, их жизнь – сплошная цепочка указателей, рассредоточенных вдоль заранее известного отрезка, и простирающихся от рождения до тупиковой смерти. Продуманная заготовка, беспечная укорененность. Они знают, что будут делать в двадцать лет, тридцать, куда направят усилия в сорок, где проведут пятьдесят. Знают, кем были и кем станут. Составляют завещания и приблизительно прикидывают время смерти. Ходячие мертвецы, утратившие чувство реальности. В своем однодневном труде, сворачивающемся в спираль, они заблуждались. Ужасно и отчетливо. Но его – лишь раз побывавшего на передовой, не обманывало предчувствие. Землю обступала война. В единичных сполохах он видел назревающее пламя. Закрывшиеся от будущего по домам, горожане часто заявляли о «преувеличении, дисциплинарном режиме, безмозглости, паникерстве». Кто поведает им, что они – зрелые, разумные члены общества, презирающие необразованность и легкомыслие, первыми разбегутся при виде тотального наступления.

Поезд ворвался в дымку, окутывающую подступы к вокзальной площади. Размытые дома, хозяйственные угодья, плавильные печи мелькали, тая в промышленном угаре. Позади возвышались шпили Святилищ, затушеванные ржавым покровом. Все составляло невзрачность, преломленную ореолом превосходства, вытеснившего непредсказуемость, природу. «Это место иначе, как силу – и не назовешь. Здесь не подчиняются, не уступают, а добиваются своего» – подумал он. Как Дион ни сопротивлялся, но было приятно наведаться в старый дом, место, где он обрел мужество жить. Как мало значит отдельная жизнь в осколке этого города, к строительству которого приложила руку не одно поколение. Все улицы, вольные ряды, здания размещались на единой плавающей подложке, установленной на болотистой местности. Люди испытывали гордость при возведении этого монументального сооружения. И было за что.

«Дион, погляди!» – одернула его девушка. Он проследил за ее пальцем: над ржаными полями парили дирижабли, орошающие посевы. Вода искрилась, переливалась радугой, погруженной в засохшую землю. «Иногда и механическая страна радуется чудесами» – произнес с улыбкой Дион. «Согласна. Однако, это не повод прижиматься ко мне». Он вздохнул, отдаваясь на пару сантиметров. «Какая недотрога, верно?» – кокетливо улыбнулась она в ответ,

приоткрывая ямочки на щеках. «Признаю, я под впечатлением и в замешательстве. Ты же этого хотела – честности? Она... порой разочаровывает». «Отнюдь!» – оживилась девушка. «Я Катрин». «И какое из магических слов сработало?». Она засмеялась, а он опустил взгляд на ложбинку меж ее груди. «Посмотри, как мы разговариваем. Тихо спорим, и все же, откровенничаем. Между нами зреет заговор», – произнес он таинственно. «Ты говоришь о сущих пустяках». «Мы все состоим из мелочей». «И кто из нас актер?» – Катрин вновь озарила его улыбкой.

Глава – 3 —

Поезд несся по рельсам, перемахивая низенькие мосты. Одноэтажные дома располагались все кучнее и ближе к путям. Дион видел двигающиеся силуэты в окнах, различал мебель, настенные ковры. Сотни рабочих плелись в город на заработки. Их лица были задраны вверх, точно в предвкушении какой-то значимой церемонии. В отличие от протестующих беспризорников их труд не был бессмысленным. Они знали, на что идут и куда. В случайном жесте, оброненном слове, искрометном взгляде скользила идея, проницательная готовность осуществить любую волю. «Такие люди и двигают колесо, пока отдельные умники не посеют смуту и пустят поезд прогресса под откос» – подумал Дион. Его ладони легли на перила, впитывая прохладу и случайно коснулись женского бедра.

К сожалению, многие горожане не различали, кому служить, кому «продавать» свой труд, доверять капитал. И шли туда, где больше платят. Тягучие, неповоротливые слоны, упитанные напряжением. Они затаились точно живые болты, работая за чью-то волю, чей-то подъем. Одно не напрасно – сплошными усилиями трудяг из грандиозных человеческих творений вытравлена презренная тень сомнения. «Жаль, им не доставало вдохновения. Того, что оживит камень, преобразит округу не как предметы на плоскости, а ввысь, в бесконечное небо, куда вечно устремлен порыв гордого, уважаемого человека. О нет, местные плелись, тащили пожитки, берегли мелочь. Их цель, пусть и заслуженная, но крайне невзрачная», – подумал Дион, созерцая угловатые строения. Он удивился, что лишь сейчас придал значение последнему слову. Типичным горожанам чужды хлопоты, опека, присмотр за товарищами. Им надобно обхаживать территорию. Не побеждать, но постепенно отхватывать свой кусочек и бегло скрываться в привычном леске аки звери. «Мы – другие», – подумал он с превосходством. Горожане ведут схожий образ существования, впрочем, в их треволнениях нет... Глубины? Какое странное слово. В глубине можешь утонуть, она в праве выбросить на любой отвал, без отчета и оправдания. Диона пронзила догадка. «Без запала, без жажды, голые, голодные... не то! Алчные до пресыщения!». Их цель – стремление без конечного умысла, спектакль, заклинившая постановка. Их рвения – сменяющие друг друга акты, а отдых – короткий антракт в наигранной атмосфере любви и праздности. «Мы меняли окружение, страданием выкупали свободу! Ревностным отношением к делу землю облагородили». Едва он додумал последнее предложение, как испытал жгучую ненависть. Они не готовы на жертвы, их самоотдача – не осознана. Руководящая идея отсутствует. «Зато в наличии мальчишеский задор и вера... во что?». Изнутри город пуст. Его не поддерживают столпы товарищества, дружбы, верности, закона и долга. Поэтому за общей яркостью, деланной уверенностью, манере обрывать собеседника и снисходительно обсуждать «приезжих», Дион замечал довлеющую над улицами скуку.

Вот вагон обдало паром, и поезд, окруженный смогом, влетел на станцию. Перрон встретил пассажиров ярким светом газовых фонарей. Раскрылись ворота и в нос ударил острый запах специй. «Уступишь даме?» – высунулась из-за плеча Катрин, и они вместе сошли с поезда, ступив на оживленные бульвары, изнуренные жарой. Плотное месиво тел обволокло новоприбывших. Везде мельтешили головы: седые, лысые, стриженные, обильные гнезда. Тела – неразрывные, единые, утюжили взад-вперед. Собирались вокруг дымящихся обеден, где подавали супницы. Разливали кипящее варево, по стаканам – свежее вино. Выстраивались в павильоны, боролись на открытой арене, ремонтировали мастерскую. Их повседневные движения выражали культуру, особенности здешнего уклада, суммируясь в мир. Мир, нагруженный кирпичными домами, промышленностью, триумфальными арками, дирижаблями и подобием независимости. В действительности же каждый был связан со всем и ничего не представлял в отдельности. Спрессованные по интересам, профессиям, склонностям, они

грудилась подле себе подобных. Каждая группа сохраняла некоторую дистанцию, отгороженность, которая плавно перетекала в сотрудничество. Так называемый «союз по необходимости». Их отдельные действия соединялись в целостную функцию, а усилия – направлялись в полезное предприятие. При этом, как виделось Диону, местным нечем гордится, нет повода, мотива для роста, продвижения. Ни памятников, ни святынь, ни идей. Все замерло в блеклом и отрывистом «скука». Уже за первым поворотом кирпичные дома заселились увеселительными заведениями, тавернами, гостиницами, концертными залами, открытыми стойками с выпивкой, звериными клетками. Очереди тянулись с противоположного конца улицы, где заканчивался рабочий квартал. Они не могли противопоставить себя потреблению. Они поглощали все, включая окружные поселения. Они дышали, они соблюдали, они соответствовали. Словно задачей этой гигантской машины под названием Город было: переработка всех согласных и несогласных в отходы и топливо для его дальнейшей деятельности, расширения и развития. Промышленные щупальца этого единого механизированного организма стремились объять и вместить в себя все постороннее, захватив при этом как можно больше территории. «Мы так за еду очереди отстаивали, а они – развлечения! Ха!». Как люди не замечали этой безвкусицы? «Пусть хоть так... Коли сами неспособны, хотя бы наследуют идею Города» – вспомнил офицер рассуждения корректоров.

За стеклянной витриной кружились дамы напоказ. Они смерили поступивших взглядом, одна процедила: «рванина!», и танцовщицы потеряли всякий интерес к присутствующим. Увидев полуобнаженных девиц, Катрин смущенно потянула Диона в иное направление. Торговые витрины прикрывали искусственные навесы. Сами улицы, обширные в полноте, затоплялись блеском песчаника. Из отдушин доносился пресный запах вперемешку с разогретым маслом. За низенькими павильонами полукругом мостились антикварные лавки. Девушка попросила подождать снаружи и зашла внутрь. Дион решил пройтись по улице и на пересечении двух дорог увидел представление пожирателей огня. Они искусно орудовали инструментами и, казалось, контролировали непредсказуемые всполохи пламени. Офицер так увлекся зрелищем покорения бунтующей стихии, что позабыл, как пролетел час. «Ну и ну» – подивился он собственной безрассудности.

Тем временем Катрин выбежала в слезах. Она не сразу заметила своего спутника неподалеку, и металась по округе, потерянная и подавленная. Наталкиваясь на неприветливые лица прохожих. Но, вот, девушка обуздала себя и разглядела офицера в толпе зрителей. «Пойдем» – попросила она тихо за ухом. Дион повернулся и заметил на ее груди влажный след. «Извини, отвлекся. Тебя обидели?» – уточнил он, расправляя плечи. «Тебе мерещится». «И все же» – он нежно взял ее под локоть. «Хватит, отстань!» – Катрин выдернула руку, однако, он настаивал и медленно уводил ее от народа. «Упертый баран!» – выкрикнула девушка... и поддалась. «Фамильная реликвия... Так, мелкая побрякушка, – сказала она, нервно теребя волосы, – бабка сдала из-за долгов, я вот хотела вернуть. Оказалось, хозяин сбегнул ее куда подальше, едва предложили доплатить». «Он нарушил условия договора?». «Не беда, приобрету новую. В соседней лавке их тысячи». Она утерла нос. «Давай, закончим» – предложила девушка, но Дион уже толкнул дверь и вошел внутрь. Один. Девушка встала поодаль, вглядываясь в мутное стекло. Из помещения донеслась ругань, затем что-то брякнуло, брань повторилась, после – тишина, и Дион выходит наружу, довольный собой. «К заре управится». «Ты ему угрожал?». «Показал офицерскую карточку и пообещал проверить лавочку на подпольную торговлю». Катрин скромно улыбнулась. «Спасибо, для меня очень важна эта... безделушка».

Солнце плавно перетекало зенит, обливая мглистые облака и широкие проспекты. Пекло достигло высшей точки. Люди бросали работу, чтобы укрыться от лютого зноя. Улицы незаметно охватывал застой. Сгущенный воздух обжигал ноздри. Плавился камень. У фасадов валялись бесхозные вещи: чьи-то метлы, канистры, свернутые на спинках стульев пиджаки, сумки. Внешние кофейни прятались под светоотражающими навесами. Покатые крыши защи-

щали водостоки, но этих мер было недостаточно для сохранения влаги. Те, кто поотважнее, раздевались по пояс и шныряли по улицам голышом. Другие мялись под карнизами, остальные или обреченно толклись на пути, или молча терпели духоту и жажду.

«Плохо переносу жару», – произнесла Катрин, покачиваясь на ногах. Дион мигом забрал ее багаж и стиснул девичью руку, врываясь в запруженную улицу. Холодная ладонь в летний день удивляла. «Похоже, она действительно мерзла», – подумал офицер, глядя на то, как по ее оголившимся плечам бегают мурашки.

Несмотря на жгучий день, периодически город осыпали лавины холода. Сквозняк прогуливался по улицам, сотрясая и без того измученных прохожих. «Погода лукавит» – произнес кто-то со второго этажа. Теплая хватка Диона влекла обессиленную девушку. Обычно она – неприхотливый человек, и без труда справлялась с южным климатом, но текущий час был на редкость не таким. Сам воздух казался сотворенным из горячего песка. А еще дым: едкий и пылкий, непрерывно сочащийся из труб.

Позади сработал громкоговоритель, оповестивший о приближении подвижного состава. «Куда мы идем?». «Не хочу злоупотреблять местным гостеприимством» – тактично ответил Дион, но девушка раскусила его намерения и ответила резким «нет», упрямо следуя по иному маршруту. «Ценю заботу. Но! Я наотрез отказываюсь быть вашей куклой». «И в помине не было» – удивился он, защищаясь. «Не важно. А пока – умерь снобизм, люди не любят угрюмости, и еще – я проголодалась». «Куда мы?». «На базарную площадь. Хочу примерить наряды, и себе – сапоги новые, или ты предпочитаешь рвань?». «Острый язык». «Не обижайся за прямоту, люди не обязаны отвечать твоим воззрениям. Не в этом ли прелесть: знать, что далеко не все зависит от тебя? События произвольны и мы – случайны». Дион отрицательно покачал головой. Он не разделял «фаталистические нотки», и в строю наказывал за подобные предубеждения. А тут – девушка, миловидное создание, обыгрывает его в слова. Легкое раздражение пронеслось по коже, покалывая горло. Вот они миновали квартал и заскочили в тесную арку. Девушка толкнула калитку и поспешила по ступеням вверх. Рынок располагался на возвышенности, окруженный бордовыми черепичными крышами, и каменным декоративным заборчиком со стороны реки. Там же находились каменные скамьи, с которых жители облакачивались на ограду и следили за въездной площадью.

Катрин подошла к ближайшему прилавку, любопытствуя разглядывая наряды. «Как тебе? – показала она синее платье с открытыми плечами, и вздохнула – жаль, носить негде». «Не всю же жизнь обитать в...». «Люди разные» – оборвала она его, уже приглядываясь к следующей вещице.

Возле входа висели материалы для пошива. Дион потрогал ткань. На ощупь – приятные, не то, что армейские койки. «Мягкая...» – донесся мужской голос, ласкающий материю. И снова Дион воспылал гневом. «Шелк – прелестно! а тот вельветовый атлас, бязь, вон, правее! Аффское сукно...». Он оглянулся, чтобы увидеть говорившего. Не мужское дело – разбираться в сортах... – и обомлел, увидев ухоженные, вычесанные волосы, аккуратно подстриженные ногти, гладкие ноги в коротких набивных штанах, и завершало все – объемистое, несуразное тельце. Рядом горланил не менее «причудливый» тип. Волосы, остриженные в чуб. С живота его свисал... не меч, а карман, откуда он доставал еду, постоянно что-то жуя. Рядом в тонком, полупрозрачном сарафане разгуливала молодая особа, казалось, нарочито выставя талию и бедра напоказ. «Вот во что выродились изнеженные комфортом мужчинки да девочки, не заставшие суровые времена, закаляющие характер. Многие из них – переселенцы, работающие по найму, пришедшие на всё готовое», – подумал Дион, желая как можно скорее взять под руку Катрин и вывести из всей этой несобранности и безобразия, но невольно загляделся на просвечивающее тело, проводив взглядом походку юной дамы. Катрин заметила его увлечение и фыркнула, приглаживая волосы. А Дион... скорее бы проспори́л сотню монет, чем признался, что испытал некоторое удовольствие от созерцания окружностей случайной

гостыи. Девушка попросила его подержать платя, и, когда их собралась целая гора, переоделась в дорожную форму и шепнула: «оставлю вас с ней наедине». «Эй, погоди!», – вскричал Дион, но дорогу к выходу преградила пара громил. «Вещи положи», – требовательно сказал хозяин из-за лавки, и, пока Дион разгребал белье, Катрин скрылась из виду.

Он выбежал на улицу, озираясь. Ни души. «Хороша, чертовка! Обвела, как дурака! И из-за чего? Зада той блондинки?». Раздался предупредительный гудок, и на небе со стороны вокзала всплыло чернильное облако. «Так, соображай! На поезд ей еще рано... Может, в центр?». Он двинулся вдоль префектуры. Слева башенные часы накладывали на город огромную тень. Девочки несли плетеные корзины, мужчины разгружали обоз, таская мешки на рынок. Дома шли рядами, отделяясь друг от друга грунтовыми переходами. Когда офицер практически пересек район, из узкого проулка донеслось гоготание. Дион прислушался: «„Вступайте в наши ряды!“ – ха!». «Проиграли войну, остолопы! Мы не горим за вас расплачиваться!». Он сделал осторожный шаг, свернув с дороги и увидел группу молодых парней. Сверху реет государственный флаг, и, словно в насмешку снизу у здания сидели они, на ржавых цистернах, и обливались спиртом. «Паскудники!». По ленточкам на плече Дион определил призывников. Они осмеивали ближайшую военную кампанию. Пройти мимо? – подумалось ему на мгновение, но затем он вспомнил, как его одурачила девушка. «Нельзя спускать клевету с рук».

– Значит, пьянствуем под триумфальной аркой! – громко заявил офицер, подходя к группе.

– У нас праздник освобождения!

– Рассредоточься по команде! Живо!

Призывники ошалело уставились на солдата. Тот, что повыше шагнул вперед

– Ща всеку.

Но Дион перехватил удар и вывихнул нападающему кисть

– Вижу добровольцев в армию! Где паспорта? Всех запишем!

И тут нарушители быстро разбежались по подвалам. «Еще не хватало вылавливать вас, как мышей». Он чуял трусов за версту. Дион поднял брошенные плащи и осмотрел документы. Он уже планировал закругляться, как вдруг в переулочек вернулись только что «выбывшие» рекруты. С подкреплением. «Отлично! Всех посажу на поезд!» – проревел Дион, приближаясь и тыча в грудь юнца, но тяжелая рука оттолкнула его назад. «Слышал приказ, – отозвался жилистый мужик в сером комбинезоне, – освободить бездарей от службы, – разминая костяшки пальцев». Дион явно был в меньшинстве. Он не ожидал, что на помощь «нарушителям» придут горняки. «Я киркой взмахну – башку снесу стрелковой крысе». Глаза рудокопа налились кровью, щелкали желваки. «На наших рыпнешься, в могилу укопает, – прибавил товарищ, – раз с подростками смел, то и с серьезными людьми обсудишь, – призывно поманил он офицера в закоулок». Дион не сдвинулся с места. «Ну что, консерва: протухла?» – посмеивались собравшиеся. От гнева офицер не смог выдавить из себя слова. Бараны! Все ждали войну, но никто не верил в нее до последнего. Позвать стражу? Не сработает. Горняки были нацелены решительно и не сдрейфили, когда поблизости появился военный отряд. Но вот, из окон на головы посыпался град камней: «Вон отсюда! Прочь!» – кричали жители. И люди «мирно» разошлись.

Ощупывая ушибленную голову, Дион перевел дух. Он не собирался умирать сегодня и был благодарен неизвестным спасителям, раздраженным громкими воплями. «Консерва» – так в народе выражались про консервативные слои, поддерживающие действующую власть за пределами столицы. «Консерва... Тот, кто ни разу не отказывался от войны? Кто не чесал языком где ни попадя?!».

Он отряхнулся, сбрасывая пыль, и заглянул в ближайший подвал дабы передохнуть от зноя. Наклонившись, офицер отворил вторые створки и спустился в полумрак, готовя хозяину пятак монет. «Есть сонтейвцы, готовые сражаться. Там – наверху. Вы обязаны быть с ними!» – полуголый мужчина смотрел на хозяев подвала и неторопливо натягивал рубаху.

«Уходите, вон! Вон! – кричит женщина, прижимая младенца, – вы развязали войну, а теперь – по вашей милости, нас уничтожат, как сообщников!». «Дайте отоспаться и не бурчите. Когда объявятся ваши друзья с Рокмейнселла, мы сдадимся, а пока – предпочитаю здоровый сон...». «Война проиграна, мы неделями без сна, без еды, прячемся на дне города... Нас за людей не считают!». Мужчина, зевая, ложится на тюфяк, продолжая начесывать бородку. «Пошевеливайтесь, стража в округе» – шипит хозяин. Женщина роется в мешках. Из дальнего угла раздается знакомый голос. «Катрин?» – приободрился Дион. «Тут посторонний!» – взвывла женщина, среагировав на шаги. Выныривает хозяин, красный от гнева. Вооруженный плетью, он замахивается на офицера. «Кыш, пройдоха!». «Он из них, – шепчет женщина, – нас расстреляют, расстреляют!» – закатывается она в истерике. Мужчина отрывается от бритвы и недобро поглядывает на прибывшего. Муж тянет жену, чтобы скорее ретироваться через запасной ход. Остальные застыли и наблюдают. Будто кипучая жизнь замерла, в ожидании. И сам подвал – симптом ее разложения. Наконец, глаза офицера приспособились к темноте. Дион с отвращением смотрел на это мрачное сборище пропавших людей, смирившихся с существованием в погребе. «Чего тебе? – мычит сонтейвец, пряча в рукаве бритву, – вы то при любом режиме приплясываете». Дион шагает вперед, пустынный проводит обманку и отбрасывает офицера назад. Он встает и снова вперед – принимать удары, пока тот не выдыхается. Тогда офицер, ощутив перевес, рывком вырывается из заросших, неухоженных рук, валит машину на землю и бьет по лицу, уничтожая бесстрастные глаза. «Дион, угомонись!» – отрывает его девушка. Сплевывая зубы, сонтейвец смеется: «Школяр подзаборный! На калеку нападаешь, а от войны – убегаешь!». Из легких врага вырывается размашистый свист. Офицер ощущает жар на щеке – пустынный располосовал ему кожу. «К стенке приставить за...» – начал Дион, но Катрин силком отвела его в сторону. «Прекрати! Он – друг», – решительно произнесла девушка. «Тот, кто воевал «по ту сторону», насильствовал, убивал?». «Вы – первые начали наступление, – прокряхтел мужчина, – отняли нашу землю два века назад. Сейчас мы отбивали свое». «Свое? Не совет ли вашей страны сдал прибрежные территории?». «Они не запинывались в рабство, – встряла Катрин, – просьба о помощи – не знак подчинения». «Сотни лет... это наша территория, наши родичи возделывали ее и заботились о земле. И не подывали, когда наступали холода, а потом пришли вы – прогнали наших врагов – за то благодарны, а затем – и нас всех выселили в горы. Мы так и сидели бы по вершинам, но природа распорядилась иначе, отрезав нас от континента». Дион обернулся, ощущая обострившуюся неприязнь. «И с ними ты делишь еду, кров. Может и ложе?!» – заканчивая Дион уже пожалел о вырвавшихся словах, он неловко скомкал обрывок фразы. А Катрин покраснела от злости: «Не равняй меня с вещью». «Отличный ухажер. И в обиду не даст, и сам опустит» – засмеялся сонтейвец. Тут девушка взмолилась: «пожалуйста, перестаньте!», и все, нехотя, утихло. Дион попросил воды. Посидел на старой скамье, остужая нервы. Поискал девушку глазами и примирительно улыбнулся. «Чего ты забыла в подвале?». «Навещаю брата». Она нагнулась у порога и проводила офицера в соседнее помещение.

Бледнолицый, облегающий кожу скелет лежал на рваном матрасе, со всех сторон обложенный компрессами. «Этот тоже из твоих негодяев?» – спросила девушка. «Я его не знаю». «Так вот, он против власти. И он – моя родная кровь». Молодой человек лежал в беспомощности, распластаный на грязных подушках. Каждые две минуты девушка обтирала его тело водой. «Мой маленький поэт», – она с нежностью поправила волосы на его щеке. В каждом ее жесте сквозила предельная чуткость и ласка. Катрин дождалась, пока дыхание брата выровняется и тихо заговорила:

– Отец прогнал его из дому, едва он отказался участвовать в семейном хозяйстве. Его не интересовала торговля. Как и ты, он был влюблен в искусство, а отец ненавидел не денежные профессии.

– Я бы тоже предпочел, чтобы он достиг реального преимущества.

- Возможно, – ответила Катрин.
- Ты меня порицаешь? Отец взвалил его себе на плечи, обеспечивал...
- Не надо было делать ребенка из прихоти, – отвернулась девушка, – их никто не понуждал заниматься любовью и плодить нелюбимых детей.
- Он дорог тебе?
- Он единственный, кто поддерживал меня, когда все отворачивались. Несмотря ни на что. Даже, если ему влетало... А это было частенько.
- И почему же он оказался в больнице?
- Богатое воображение. Врачи посчитали, что он на грани сумасшествия, и заперли его в доме милосердия.
- А отец?
- Он был рад такому исходу событий. Наследником может быть только дееспособный. Сынка с легкой руки папеньки признали несостоятельным. Он сам подписал документ о его выходах на дому... Я узнала об этом, когда было слишком поздно. Недельку прогуляла с подругами. С тех пор, сторонюсь женского общества.
- Считаешь себя виноватой?
- Его ведь обманули! Привезли на слушание стихов, а он оказался в сумасшедшем доме! Помню, как навещала его весной... Он совсем изменился, не говорит, почти не ест, каменное лицо, постоянно обращённое в окно. Это ужасно, из него словно выжали жизнь и бросили на самотёк.
- Может... Он правда болен?
- Ты его не знал! Я росла рядом, ухаживала за младшим братом, а он – не я, как положено, – был опорой, моим домом. Раньше он любил петь, а теперь... Не выносит посторонних звуков. Я принесла его любимое произведение, мы попробовали сыграть... Его коробило от шума, а потом он убежал.
- А мать?
- Она знала – это не к добру, но дала согласие на его заточение. Без сопротивления, будто речь шла о выносе мусора. Она отказалась от родного сына.
- Но не от тебя.
- Конечно. Я была их любимицей, но увидела к чему приводят мечты... когда из ребенка пытаются вылепить чью-то фантазию. Меня почти не трогали, ведь я не выделялась особыми талантами... Зато, едва они заметили, что «их маленькое чудо» самостоятельно освоило счеты, тут же возгордились и... В общем, брата грузили не по возрасту. Он не справлялся, сбежал из дома, его силком возвращала стража, лупил отец, а соседи и вовсе считали избалованным дитем. Поживи с десяток лет в домашнем терроре и озлобишься на мир...
- И что же он совершил в итоге?
- Убил закрепленного за ним Корректора.
- Душегуб должен помнить свою суть.
- Чего же вы, офицеры, тогда расхаживаете, красуясь погонями?
- Он отрицал вину? Уронил мужскую честь?
- Опять эти бабские разговоры про публичный позор. Не ожидала подобного от взрослого мужчины, – произнесла Катрин с сарказмом, – обычно вы орете: «пускай работает тварь. Содержанец государственный. Кровь пьет, пока мы охраняем отечество». Думал с дурой сошёлся? А я мнение имею и на поводу всеобщего помешательства не иду. Хочешь простушку – ты в городе. Оглядывайся и клуй, а ко мне не лезь, – закончила девушка и снова отдалилась.
- Он должен находиться в лечебнице, – строже произнес Дион, намереваясь забрать юношу.
- Катрин встала поперек кровати, блокируя ход.

- Ты не видишь? Раны свежие, ему нужна медицинская помощь, – настаивал офицер.
- Он недавно участвовал в протестах, получил по голове за то, что тихо стоял с плакатом.

Предлагаешь посадить за это в карцер?

– Он из...

– Я уважаю смелых мужчин, что не прячутся за огнестрелом или чином.

– Какой смысл в нарушении порядка? Император протянул руку дружбы и в ней не было камня, – ответил Дион, на что ему возразила женщина с прохода:

– Дорогой мой солдатик, а свои мысли-то имеются? Это пересказ вчерашнего выпуска, газеты то мы читаем!

Раненый очнулся. Оказалось, он давно следил за разговором в выжидательной позиции. Он хотел было что-то донести до публики, но губы непослушно сомкнулись, придавив выпавший язык.

– Тише, тише дорогой, – присела девушка рядом, – Дион, ты же принимаешь меня... иначе зачем ты здесь... пойми и их. Людям запрещают собираться на площади, гонят к окраинам. Создается иллюзия, будто все всем довольны.

– Верно! – поддакнул мужчина из зала.

– Вы подрываете безопасность страны, в которой живете, – прокомментировал ответ Дион.

– Скажи, милоч: а куда мне деваться? – влезла старуха, – ваши разбомбили мою хату, скотину на мясо порезали, а дочку увели. От хорошей ли судьбы мы с мужем застряли здесь? Пленные измучаются от голода, изойдут от жажды, свалятся в яму – не важно. Они пораженцы, и выброшены на скамью запасных.

– Женщины... помешаны на мире.

– Нет, милоч – сказала бабка, – стара я для мира, потому жду сонтейвцев. Наступит день, и они освободят сородичей от имперского ига.

– Мы застряли здесь не по своей вине, – проговорил ее сожитель.

– Рука помощи была – я правда так считаю, понятно? – в край возмутился офицер.

– Главное, чтобы жене будущей не диктовал, как надобно жить.

Как ни странно, но среди малочисленной обители, он ощущал себя повинным в их бедах. Все были настроены против него. Даже Катрин – милая девушка, с сомнением взвешивала его слова, не горя желанием принимать чью-либо сторону.

– Оставим разногласия за порогом, – предложила она, – лучше поешьте, пока лепешки не пропали.

– Согласен, чужая политика не стоит испорченного настроения.

Диона позвали за стол. Ему ничего не оставалось, как присоединиться к незатейливому обеду. Все-таки она ему симпатизировала... «Или я внушил себе это в силу ее недоступности?». Стол накрыли.

– Без излишеств. Отведаешь подвальной кухни.

– На войне и не такое проглотишь.

– Мы то в городе, – проворчал хозяин.

Ели молча. Хрустел хлеб, отскакивающий от зубов. Шипела горячая подливка. Катрин подавила зевок. В густом облачке повисла тянущаяся скука. Их засадили в тюрьму из прошлого. Они жевали, растягивали пищу точно так же, как и грезил наяду. Женщина монотонно теребила нити платья. Вспышки Катрин более не забавляли, и он утомился от своего дыхания и собственной к ней предрасположенности. Казалось, соседи по трапезе тоже имитировали. Они по-настоящему не избрали отчаяния. Безоглядно предаться чему-то можно лишь на миг, а вечность сравнивает счеты. Отбросит несущественное, невозможное «как если бы». Сидя в прохладном помещении Дион устал и от назойливого присутствия вечности, замыкающей их намерения, и от натянутой паузы, пропускающей противоречивые мысли. Но вот он, помешивая

хлеб, поднимает голову. Решающий поворот. Встречная улыбка. Девушка выглядела удивительно посвежевшей. К щекам прильнул румянец, украшающий вмешательство пустоты и безответности. Он не без удовлетворения следил за ее косым взглядом, нарочитой хмурости, сквозь которую просачивалась улыбка. «Ай озорница!» – офицер едва не смеялся. Она играла, отлично вписываясь в интерьер и инородную царящую атмосферу угнетенного сознания. Уготованная роль или хитрый ход? «Значит, проверка?». Она вызывала в нем эмоции, пробовала на вкус, провоцировала, исследуя реакции, препарировав душу. Неприятно быть объектом изучения... «Кроме ситуаций, связанных со столь привлекательной особой». Хозяин недоуменно уставился на пару. Резко выпрямился: «У нас не принято...». «Мы уже уходим» – заторопилась девушка, поцеловала «старуху» в лоб и поманила Диона за собой.

– Думал, ты не избегаешь конфликтов, – сказал он на улице.

– Считал, что знаешь меня? Позволь спросить: ты веришь в шанс прознать человека до конца?

– Это имеет отношение к нашему делу?

– Какому делу?

– Вот видишь, тебя выдает любопытство.

– Отчитываешь, как маленькую девочку? Нехорошо пользоваться чужими слабостями, – улыбнулась Катрин.

– Нам не помешало бы доверие.

Девушка утвердительно кивнула, не спуская с него светлых глаз. Офицеру явно не нравилось, когда ему открыто перечили... Но в этом дерзковатом поведении милой «пташки» было нечто, на что он сам бы никогда не решился... Или ему просто нравились черты ее лица?

После того визита в «подпол» их отношения стремительно укреплялись. Дион вспомнил, как подставил плечо в трудную минуту, подал руку, помогая подняться на убегающий поезд. Как Катрин неловко споткнулась о ступеньку, повиснув на его шее. «Врожденная неуклюжесть» – улыбнулась девушка, пока он притягивал ее к себе. Сколько невинности и воздушности скользило в ее кротких жестах и взгляде.

Он пригласил ее на танец. Затем: ржаные поля и вереск. Пурпурный небосвод... «Ха! Надеешься, мы сойдемся?» – опередила она его предложение. Милые нотки сарказма и веселости. Идут по подлеску. Он набросил на ее плечи китель, а ручки – обнял и согревал дыханием. «Знаешь, я не хотела тебя мучать родней... мне в некотором роде стыдно, но я такая и никуда от себя не денусь». «Хватит болтать», – шепнул он, закрывая ее рот поцелуем.

Задавать прямые женские вопросы, не считаясь с тактом или чувством приличия. Она всегда нарушала дистанцию полусуто, полусерьезно. Переходила грань допустимого, но никогда не обманывала, оставаясь искренней и легкой на подъем. О эта умиляющая наивность! Офицерский дом оживал в ее присутствии, наполнялся треском радио, тоненьким пением с пластинки, грохотом посуды, одним словом – жизненным, одушевленным, пусть и приземленным, теплом. Чего таить – капрала отвращала жизнь в среде монашки, а здесь, среди всеприемлющего сердца, податливой доступности и неприступности одновременно, он находил дом. Перемены пошли ему на пользу. Со временем он не брезговал и пойти наперекор начальству, позволял себе выпить, стал свободнее от строгих клятв. Меньше страшился запретов.

Тяжелые годы ручной работы не могли не отразиться на внешнем виде пары. Из-за производственной травмы у Катрин заплыло бельмо на левом глазу. Кто-то считал, что этот дефект вкупе с ее пополневшим телом, делает женщину безобразной. Индивидуальный почерк казался им сплошным недостатком. Такие люди – «идеалисты», видели лишь застывшие статуи, не ощущали жизни, динамизма. В ней не найти образца, изделия для подражания, лабораторного совершенства. Изобрести можно только неповторимость, остальное – пустая трата. «Я некрасива? Случайность портит нас». «Скорее, придает оригинальности». Пусть игра судьбы распоряжается нами из ленивого каприза. Пускай земная тяжесть распластывает волю,

а мгновение стекает в ничто, ей не ускорить, ни замедлить ток времени. А значит, и то как мы им распорядимся.

Их небольшое поселение разрослось в город, когда местный магнат открыл железное месторождение. А там – война, ожесточенная битва за ресурсы, кризис промышленности. То, что было источником развития и вдохновения стало превосходным предлогом для кровопролития.

Поначалу, когда Дион возвращался домой, все текло в привычном ключе: Катрин клала руки на его грудь и запрокидывала голову, не сводя с мужа глаз. «Думала, ты останешься». «Иногда мы удивляемся самим себе». «Бедовая голова». Никто не воспринимал призывы к оружию всерьез. Как и прежде, офицеры – расшагивали по городу, солдаты – орали гимн, рабочие – склонились над станками, торговцы – берегли возы, а скотоводы – животину. Разговоры никого не заставляли врасплох. Война – за далью, уносящейся в горизонте. Кого ни спроси, с веселой миной отшучивались или вступали в диалог, приплетали политику сегодняшнего дня, постепенно вытесняя «набившую оскомину несусветную чепуху». Плохо, если скуку направляют равнодушием. Когда сигналы уже не напоминали отдаленное эхо, а яркий маяк неизбежности трезвонил о приближающейся опасности, слащавое пресыщение жизнью неминуемо сменилось тревогой.

Первые сборы: новички молча скучились подле бараков. Позеленевший парень тщетно пытался обмануть призывной возраст. Кто-то доказывал свою невиновность. По рядам служащих гуляли флакончики с нюхательной солью. Озлобленные, голодные и немые участники церемониала посвящения в солдаты отказывались мириться с лишениями, предпочитая обмороки созерцанию безуспешного протеста.

Диона вновь выделили из толпы, назначив командиром небольшого гарнизона. После получения должности, он взялся за «воспитание хлюпиков, слюнтяев и злостных уклонистов». Домой возвращался ближе к ночи, часто задерживался на работе, ночевал в казарме и проверочном пункте. Принимали всех, плохое здоровье не сходило за отговорку. В канцелярии едва успевали проставлять штампы «готов к мобилизации». Дион получал награды «за рвение», «соблюдение идеальной дисциплины», «внушительный вклад в организацию по набору перспективных солдат». В его смену мало кто мог отвертеться от зачисления на баланс вооруженных сил. Позже его повысили и перевели в Бюро Пропаганды. С попавшими по распределению он лично беседовал, проверяя «ходовые качества»: выдержку, стойкость, исполнительность. Старшие по званию отмечали – «он обладает незаурядным талантом внушения». На работе его ценили, а дома – порицали. «Ты поселился в бараке? А как же мы? – возмущалась Катрин, – по ночам я обнимаю подушку вместо мужа». «Сложные времена. Перебежчики, дезертиры». «Мы говорим о молодых людях, которым едва стукнуло шестнадцать?». В городе никто не ценил его труд и не разделял общего армейского настроения. «Нас направляют на империалистическую бойню, за свободу и справедливость – куда? В чужую страну?». Мир раскололся надвое: большинство, презирающее войну, и меньшинство, видящее в ней спасение государства. Командование планировало оттянуть границу перед началом массового наступления. А для этого требовалось задействовать максимальное количество подготовленных военных. В том числе переубедить антипатриотически настроенных глобалофобов и разобраться с предателями, питающимися золотом торговцев. Обе эти группы психологических диверсантов: в зависимости от степени осознанности собственных «подпольных» эмоций, подлежали тщательнейшей коррекции и отбору. А их вытеснение с земли в погреб, обитание в подвалах, окраинах, замкнутых помещениях, то есть на периферии общественной жизни – и есть знак подавленной агрессии, ненависти... в первую очередь к себе, человеческой природе, как таковой. Как бы выразились в Институте Фильтрации – «они заключенное в себе идеологическое клише».

Порой Диона смущала собственная озадаченность проблемами чрезвычайной важности, и он разрешал себе недельку-другую отдохнуть от роли полкового офицера-рекрутера. Часть сослуживцев считала его карьеристом, рвущимся наверх. Но взаимный дух соперничества распалая гордость, и работа по вербовке продолжалась в нарастающем темпе. Культовые жесты, выражи, речевые обороты – Дион основательно изучил должностную инструкцию.

Далее – смутно. Он стоит на вышке. Ладонь козырьком защищает от солнца. Бурые валуны и тренировочный лагерь под боком. Вдоль траншей бегают новобранцы, пока не околеют. Инструкторы гнали их, точно стегали лошадей. Упавших приводили в чувство пощечинами, вкладывали в руки кирки и заставляли кромсать камень.

Затем хлопок – и он в госпитале. Ласковый шепот жены. Лоснящиеся волосы. Ночь, теплая кровать. «Ты потрясающе красива» – говорит он, глядя шелковистую кожу Катрин и огибая выпуклости. Девушка нежилась в постели. Вот ее живот стал твердым. «Бабушка знала, что мы разбежимся... Подумать только, из-за войнушки! Нашел бы повод посерьезнее...» – произнесла она сурово и повернулась к стене.

Дион перепоясался и встал, направляясь к темному окну. Внезапно его пронзила жгучая тоска, словно некто вышний наблюдал за ним. «Кто ты, неизвестный?» – вознося глаза, он обратился к холодным звездам. По одиночке, разбросаны в бескрайнем просторе без намека на то, что они когда-либо пересекутся. Ночь выносила обвинительный приговор. «Мы – одни, некуда деваться, кроме смерти. Цивилизация! Какое опрометчивое заявление... Моя жена, мой мир отвернул свой лик, предоставив неизбежности. Сколько не упорствуй, смерть вынудит склонить голову». Мир, его предметные границы, четкие очертания. Внизу дорога: плотный, непроницаемый фундамент... Дома, залитые в бетон. «Дитя заклась» – отдалось старушечьим говором в затылке. Везде царила предметная ограниченность. Их ясность и конечность пресекала полет фантазии, угнетала легкие, смиряла волю. Все должно подчиниться естественным законам, и мирская плоть, и теплое чувство, навеки заключенное в тело. Вот бы вздохнуть, принять в себя, поглотить стареющий мир, чьей жертвой стал он сам. И трепет, и подпольное чувство, что завтра я или ты окажемся в утрамбованной земле, по которой пройдет марш победителей. Дион отринул гнетущую беспомощность и навязчивое волнение. «Пока дышу, поделом смерти!». И засобирался на работу. Надо двигаться, разгонять охладевшую кровь. Дион уже представил, как вернется к товарищам, и они вместе обсудят зеленых салаг. Накинув толстую фуфайку, выглянул наружу. Хмуро. Прошелся по усыпанному ржавыми листьями тротуару. «Это – весенняя хандра», – списал он все переживания на погоду. А жену... испортило кабинетное образование. Кому дело до их досужих домыслов? Войны не миновать, она непреклонно наступает по пятам. Как незыблем цикл человеческой жизни, так и сопутствующие ему страдания. Иного не дано.

В офицерском корпусе он вернул себе самообладание. Холодный рассудок вновь взял верх над импульсивным характером. Здесь он контролировал потоки сознания, и, куда важнее – находился среди единомышленников. Кто-то пререкается. Голоса идут из казармы. Вмешиваются старшие чины, и за пять минут инцидент исчерпан. Виновные отправлены чистить конюшни, порядок соблюден. А вечером снова споры. «Я призван...». «Ты – доброволец!», – упорно твердила Катрин, настороженно заглядывая в глаза. «Обязанность мужчины...». «Не лги мне, я знаю: часть тебя прямо жаждала отмщения». «Собирается!» – прокудахтала соседка, вышвыривая из окна напротив вещи своего мужа. Девушка всплеснула руками. «Видишь, к чему приводит...». «Из чувства долга я пренебрегаю собственными желаниями во благо осточертевшего общества! Прихожу уставший, а дома меня душат тупыми, выблядскими расспросами!». «Мужчины! – хмыкнула Катрин, – вам нужна свобода, чтобы отнимать ее у других». «Это здоровая конкуренция». «Нет, это больное общество, разрывающее человека между семьей и социальной ролью. Потакающее всякому распятию людской души на камне ненависти и вражды нарушителей его истин». «Смотри, как заговорила! – обо-

злился Дион, – жестокое противостояние, незримая внутренняя борьба, обвинительный уклон, защитная речь! Мы на войне и здесь не место подобным разговорам. Я уже сотый раз пожалел, что позволил тебе поступить в духовную школу!». «Я – твоя жена, а не инструмент удовлетворения и детский инкубатор. Ты не видишь разницы между мечтами и желаниями, а я ее чувствую. Не слепым рассудком, которого не пронять никакой надеждой, а теплым, живым, бьющимся сердцем, слышишь! Тем, что сейчас отвергается в ничто! Вы, как в один голос вопите о долге, но на самом деле терзаете жену, ребенка, отца и мать...». «Не упоминай мою мать и не приплетай отца! Он отступил, когда требовался напор, а она... Она... – Дион запнулся, – ты меня путаешь! – возобновил офицер ярость». На девушку резко напала усталость. «Поступай, как заблагорассудится». «Тебе достаточно признать, что ненавидишь меня». «Придумал способ избавиться от жены без обязательств? Соседи по койке надоумили?». «У меня нет времени на пустые разговоры. Хотела, чтобы я помог донести еду, поухаживать за ранеными? Хорошо, перед отъездом я выполню обещание».

Они сели в поезд. Дион чувствовал, Катрин чувствовала: жизнь катится под откос. Неужели ему, ей – остается паразитически наблюдать и молча переносить невзгоды? «Да не отверзнутся уста ради хулы и похвалы» – повторит старейшина Святилища. Смирение – старческая мудрость и возрастная немощь. Эти добродетели стремились усердно наплодить юных монахов и монашек, отшельников мира, равно принимающих и скорбь, и благо. Ее мужа уже переделали в затворника, выдали отличительный значок, погладили по головке, дали покомандовать. Все – завербован и готов вести армию. Когда угодно и куда угодно, ибо он убит, а затем воскрешен воином истины. Поезд ударил по тормозам. Пронзительный скрип. Вышел загорелый машинист в синей робе: «Котел накрылся». «Вот те на» – затараторили пассажиры. «И что же, нам – пешком переться?». «Просьба покинуть вагоны», – донеслось из рубки. С передней скамьи встал накрахмаленный тщедушный человечек. «Не переживайте! Стоимость остаточного билета вам компенсирует транспортная компания по отдельно составленному запросу». «Тебе откуда знать, дохлик!». «На топливе экономят, жлобы!». «Принудительное расселение, – шепнул кто-то позади, – нас посадят на цепи». «Прошу соблюдать дисциплину!» – вышли кочегары.

Пассажиров высадили за одну станцию до пункта назначения. Пришлось идти пешком. Жара выкашивала пустыри. От скуки жутко клонило в сон. «Ты вообще меня слушаешь?!» – прокричала Катрин, но как-то блекло, точно из нее утекли все соки. «Пешком топать миль десять» – сказал мужик, опираясь на хлипкую палку.

Они шли в одном направлении, но чувства, мысли – порознь. Глаза угрюмы. Их томило собственное общество, но не менее отталкивало и присутствие других.

Фразы, произносимые со вздернутым носиком, милые покачивания головой его больше не забавляли. В чем-то она ужасно была похожа на его мать. Копировала ее нрав, манеры, будучи не знакома с ней. Точно она собрала свой образ из его кратких рассказов. Это было отвратительно, потому что он не мог отбиться от ее любви во всеоружии. «Знаешь, мои родители уехали из страны. Отец поругался с районным секретарем, и их в тот же день выселили из дому за долги по платежам. Они просили рассрочку, а власть горазда выставлять ультиматумы». Когда Дион наконец ответил, ей показалось, что у него гнусавый голос. «И как я сразу не заметила...». «Чего?». «Неважно». Он резко выпрямился, вытягивая шею. Горизонт притягивал его больше разговора. «Тебе плевать на мои соображения», – с сожалением проговорила девушка. Дион что-то возразил, но теперь уже ей было безразлично. Он не меняет точку зрения, даже, если солнце сойдет с орбиты, а земля – рассыплется в труху. Ей подумалось: такая негибкость, агрессивность к инородному похожа на состояние душевнобольного. «За какой-то месяц наши дороги разошлись». Они отдалялись, закрывая подступы друг к другу. И из-за чего? Внешнего события, определившего ток времени? Того, что в последнюю очередь должно влиять на любовь. Неужели Дион в тайне рассчитывал на то, что война предотвратит их союз?

Расторгнет договор, а с ним – и все последствия. Он умело подтасовал факты, выставляя ее неправой. Привилегированное большинство на его стороне, поощряет размолвки, разобщенность, пока они – на благо общества. Все в жертву социальной нужде, коллективной потребности. «Люди-автоматы... Несчастливые создания машинной эпохи» – вспомнила она строчку из Легенды о Страннике. Этом призрачном вестнике глобальных перемен.

Вот они ступили на знакомый тротуар. Горячая плитка прожигала ступни сквозь подошву. Шея обливалась потом, иссушенные волосы скрючились в тонкие лоскутки. И все же, было приятно встречать белое полупустынное солнце, невзирая на расколотое, осыпающееся сердце. Поначалу холод обволакивал тело, ничто не могло прогреть ее, но серебристая звезда пропекала насквозь, точно стеклянную вазу, прозрачную дышащую эфемерную субстанцию. Втолкнуло тяжесть. Весомое, теплое ощущение присутствия чего-то живого в ней, как бьющееся сердце ребенка под грудью матери, растекаясь приятным теплом в животе, резервуаре жизни.

Хрустальные горы поблескивали, приглашая путников в голубые пещеры. Поигрывая шершавыми гранями. Из-за сгустившегося воздуха казалось, что они не шли, а плыли, помещенные в аквариум. Создавался эффект матового стекла, приглушающего реальность. Мир замещало воображение. Стерильное, чуждое всякой пышности, обилия материального. Неясное, излишне стертное. Для Катрин оно всегда было беднее чувственности подобно каверзному, туманному сну, выветривающемуся с ясным рассветом. Пассажиры бы сбросили ношу и завалялись в небытии, если не сухой песок, забивающийся в ноздри. Мышечные спазмы возвращали остроту плоти, и люди, встряхивая головами, шли и шли вдоль дороги. «Симон, долго еще?». «Ворчишь, как старая собака». «Обожди, доберемся до города – я тебе зубы пересчитаю». «Зудят мухи, лучше бы водой поделились». «Эй, солдат, доколе нас погонять будут?». Пары глаз алчно уставились на Диона. «Чего?». «Спрашиваю: когда уедете на войну?». «Брежете господу, мальков поминать! Едва с пеленок вылезли, а вы им: судить о будущем!». Он побелел: «За оскорбление чести офицерского мундира вас могут вызвать на дуэль. Оставьте шальные мысли и работайте». Пожилые приумолкли. Тот, что слева – осканился, плюясь под ноги, да приговаривая: «и на обочине выделываются, подонки». Дион потянулся за револьвером, осознавая, что всякий раз с неизбежностью вынужден обращаться к оружию. Дурные, нечистые отщепенцы, попирающие... «С ума сошел?! – подивилась Катрин, хватая его за локоть, – убери!». Дион пылал желанием непременно разделаться с оскорбителем, но остаточное чувство меры и близость знакомого существа перевесили тягу к расправе. Он отвлекся на окружение, подыскивая образы из неживого пространства, чтобы перенести на них эмоциональный всплеск или увидеть отражение собственного характера. Гремучие, жесткие мысли превосходно вписались в дальние, резко обрисованные объекты. «Сталь» – потомок благородных минералов. Железный силуэт кольца – частокола, опоясывающего рудники – этот дисциплинарный обруч, сжимающий черепа вольнодумцев... Рядышком гигантские колпачки, опускающиеся на землю с помощью сервомоторов, упрятанных в глубине горной породы. Мощными насосами они вытягивали из недр полезные ископаемые. По левую руку, за горными массивами, растянулась прерия. Ее вспахивали передвижные платформы, прицепленные на конвейерные ленты, идущие рука об руку друг с другом. Вдоль горизонта плыли инеевые облака – то сжатый ледяной газ вырывался на поверхность. Тот, что использовали в тяжелой промышленности. Сталь, один из самых твердых сортов металла, тяжелый в добыче, выборке высокого качества, но всюду необходимый и крайне полезный. Ее блестящая, гладкая полированная поверхность наиболее точно отвечала запросам дисциплины и морали. Без стали не основать жизнь, эту серьезную не прозябающую мантру цивилизации. Она и стержень, и ось становления. В чем можно упрекнуть столь практичную форму? В холоде и жесткости? Ее можно разогреть, и вот – она пластична, выплавляй любые вещи, запечатлей изваяние. Железная руда – универсальный материал, как и человек, строящий новое общество. Каждый созна-

тельный гражданин своей страны понимал эту двойственную природу стального диска, написанного на имперском гербе. Дион нашел себя, когда разруха, войны, мелкие перебежчики, беспредел и беззаконие пресекла зарождающаяся империя. Она приняла в свои ряды отщепенцев, выброшенных во власть стихии и случая. Да, в ранней юности у него было желание стать художником. Но он умерил требования, помня о спасителях. Эти мужественные люди прогнали кочевые народы, установили дисциплину, помогали в реорганизации поселений и обучали детей ремеслу, полезным навыкам выживания, а, так же, прививали тягу к знанию собственной истории.

Последующие за ними вербовщики действовали не бескорыстно, но и он получал что-то взамен, не забывая Первых Людей, заинтересовавшихся бытом и трудностями окольных земель. Вот что такое для него – Родина. Вторая мать, а закон – приемный отец. Они не погнушались обратить лики на испорченных чрезмерным напряжением, гордостью от независимости беспризорников. Им следовало требовать свободы? Попробуй отбиться от армады конных воинов. Свободы умирать? Кочевники грабили, отнимали урожай, рвали на куски, издевались, истребляли. Лишь железный кулак империи остановил набеги. Многие вступили в партийные ряды. Кто-то из надежды вырасти до члена почетной гвардии, кто-то из желания изменить мир. Но, как видел ныне Дион – выродилось немало людей иного взгляда. «Катрин любила море. Однако, она обожала глубокие воды лишь потому, что оно сулило изменения, перетекая из одного состояния в другое. Дно, глубина, неразборчивая, мутная темнота – в ней сокрыта затаенная ненависть к жизни» – думал офицер. Той, что требует усилий, несговорчивости, филигранной четкости, а иногда – сурового напора. Интеллигенция – эта тонкая прослойка бесхребетных протестантов, искушенная в поперечных толках линейного движения истории, не выдавшая собственными очами ужасов голодомора и страданий, придерживалась того же мнения. Что общего у них с Катрин? Ведь она из иной, рабочей семьи. Однако, разделяет их чувства, настроения... Как торжественный обед.

Вот различимы стены, часовые башни – остроносые отростки, откуда несут весть громкоговорители. Величественное дело человека цело, не ведая границ и меры. Все более высокие шпили конкурировали между собой на скорость – кто первым проткнет небо и достигнет до Поднебесья? Новый центр цивилизации обступали меловые горы. Их открыли экспедиторы, продвигаясь на юг. Сняв верхний слой золы и окаменевшей почвы, исследователи обнаружили крупные залежи хромового песка, способного стягивать и поглощать влагу в радиусе нескольких километров. Для человека песок оказался безопасен: не советовали проглатывать и долго держать в ладонях, в остальном – места раскопок превратились в курортный островок. Пока застраивали котлованы и проводили подвесные каналы, часть солдат отправляли в дежурство: отвадить туристов. Ближе к завершению строительства приисков стали пропадать рабочие. Люди жаловались на жару, резкие перепады температур, чувство необъятного страха. Что до пропавших... Говорили – их засасывали пески, но никаких подтверждений этому не было обнаружено. В официальном заявлении фигурировало сочетание: «леность», «малодушие», «безответственное отношение к труду», что и привело к банальному бегству рабочих с приисков. Но, из-за поднявшихся волнений, правительство приняло решение свернуть проект. Постепенно прямую добычу забросили, оставив лишь каналы, откачивающие влагу напрямую в город, а странное место обросло легендами, бытующими и по сей день.

Невзирая на провал, люди продолжали экспериментировать. Новые механизмы коренным образом изменили облик город, в который с тех пор со всех сторон стекались трубы, создавая издали внешность дикобраза. Недостаток пресной воды компенсировался повышенной откачкой жидкостей из окрестностей. Но всякий ресурс имеет склонность заканчиваться. Постепенно насосы осушили прилегающие земли и плодоносные слои почвы были уничтожены, а соляные бури, возникающие в естественных подземных пещерах, ликвидировали открытые источники воды. Теперь администрации приходилось целенаправленно заку-

пать спрессованные капсулы чернозема и цистерны с питательной смесью. Овальные станции и водонапорные башни сравнялись по численности с жилыми постройками. Часть из системы жизнеобеспечения вынесли за черту города, но центр питался исключительно внутренними резервуарами. Новая столица уже напоминала отлаженный механизм, нежели приятное глазу место обитания вольного человека. Но вот в чем загвоздка – побывав там в парильнях, посетив многоэтажные платформы с домами, частным сектором, увидев всю мощь промышленного переворота, оценив грядущие перспективы довольно сложно всерьез воспринимать угрозы свободе. Это так, повторение мотивов ушедших в небытие дедов, выживших из ума, или устаревших для современности тихиходов, привыкших к смертельному постоянству. Динамизм определяет жизнь, остальным сулит пропасть забвения. На ярких красно-синих плакатах, вывесках, тысяч сменяющихся друг за другом лиц и черно-белых проекторах кричит настоящее, длающаяся бесконечность, непрерывный поток порождения жизни.

Увы, сейчас городские обитатели жалки. Их рыхлые, неухоженные тела словно воплощают аморфную, вязкую и неодолимую жесткой организацией силу беспечности и неосмысленного плодородия. Как контрастировал с многочисленными «поселенцами» (а иначе Дион назвать их и не мог) первый слой строителей, революционеров... да тот же городской аппарат! «Всему свое время» – говорили ему в административном округе, и он пытался поверить, что и эти безнадежные люди изменятся, очнутся ото сна, взъерошат волосы и выбегут на улицу с чертежом, молотком, новой идеей усовершенствования столицы... Иначе поезд прогресса переедет их насквозь, и горе не успевшим запрыгнуть в последний вагон.

Груды навесных конструкций и опорных сооружений затемняли жилые районы. Только крохотные пепельные пятна на багровом перевале справа говорили о том, что за всеми технологиями скрывается уязвимое, дышащее, подвижное тело, ошестинившееся на природу стальной. Отдельные кварталы выбивались из общего впечатления. Они выглядели заброшенными и пустотелыми, точно застряли в каменном веке. Казалось, рука творца намеренно отвергла к ним милость, бросая на произвол. Некоторые индивиды даже называли это безумие – свободой. А наглядное отвержение сравнивали с гонениями пророков. «Пропавшие люди... – подумал Дион, – правду говорят. В будущем места не для всех».

Наконец, пассажиры пересекли открытую местность и попали под спасительную тень из круговых навесов и паровых труб. Широкие трехстворчатые ворота контролировали людские потоки. Периодически стража обновляла караул. Тогда из бетонных стен выныривали тяжелые задвижки, блокирующие ворота с обеих сторон. Дион помнил чертежи. Усиленная гидравлическая ось вращения размещалась во внутреннем дворе. Механизм не нуждался в особой защите. Достаточно одного контролера за пультом напряжения. Силовые кристаллы сами идентифицируют незнакомцев, управляющий лишь подает разряд – и диверсант испепелен. Никто не понимал принципа их работы, однако они действовали почти как живые личности. Приветствовали вспышкой знакомые лица и отпугивали искрами чужаков.

Диона пропустили по знакомству вне очереди. Он был доволен. Остальные пассажиры ожидали снаружи, сжираемые солнцем. Включая Катрин. Ей провели полный досмотр, прежде чем позволили проникнуть внутрь оборонного комплекса. «Так быстрее» – произнес он отчужденно, чем вызвал негодование девушки. «Они стерженеют с возрастом» – подбодрил его товарищ по службе, подманивая в надзорное помещение. Дион усмехнулся. «Как жизнь, брат?». «Еле отвязался, вот». «Обменял бы ее на ту, хорошенькую из бара». Офицеры одобрительно закивали. «Привязался, как щенок. Ничего, выкарабкаемся». «Считай, повезло. Война на носу, а там – не обязательно возвращаться домой. Договорись с Горумом, хороший дядька. Мы подсобим. Поручимся, так сказать. Не зря – братья по оружию. Спишет на погибшего, имя поменяешь. Начнешь новую жизнь без ненужных разборок и лишней нервозности». «Сомневаешься? Подумай хорошенько, да не забивай голову! Это нам навязывают стереотипы. Закона не нарушаем, службу несем, государство довольно, чего еще надобно?». «Ты заслужил ува-

жающую женщину, не трать время на потас... – товарищ понял, что сболтнул лишнего, – Короче, бывай, брат. Возьмешь стаканчик за крепкую мужскую дружбу?». Дион на минуту отцепился от навязчивого присутствия жены, поболтал с приятелями, слегка выпил, и, подобравший, подал ей руку, когда Катрин выпустили на улицу. «Не веди себя, как мерзавец». «Нам не обязательно ссориться прилюдно». «Поэтому ты потащил меня через сторожевую конуру?». «Снова помянем защитников?» – раздраженно ответил Дион. «Они покрывали преступников, забыл?». «Они следовали закону». «Значит защищать воровской уклад – это законопослушное поведение?». «Кто тебе подкинул эту идею?». «Отказываешь женщине в самостоятельности?». «Раньше ты была рассудительнее». «То есть, соглашалась с тобой? Заметь, я никогда не скрывала своего отношения, в отличие от тебя». «Не переворачивай вверх дном, я обеспечивал тебя! Я, пока...». «Чего же ты орешь на женщину, а не старшего по званию? По башке боишься получить или вылететь со службы?!». «А ты – все так же очаровательна» – ответил он обезоруживающей улыбкой. Катрин фыркнула, но взяла Диона за руку. И все – невзгоды позади.

Город приветствовал путешественников непрерывным стрекотом турбин, нагнетающих пар. Гидравлические насосы качали воду в подвесные баки. Толпы собирались в очереди за получением жидкости по талонам. «А в Сонтейве колонки бесплатные!» – прокричал кто-то из стоящих. «Ну и вали в пустыню!» – рявкнули добровольцы, охранявшие бочки. «Пойдем во двор, поговорим, солдафон!». Дион вмешался, выстрелив предупредительный в воздух, и недовольные умолкли. «Вы мужчины, а мужчины должны отринуть ребячество, чтобы крепко стоять на собственных ногах. Как вы можете жить, когда не в ответе даже за собственное слово?» – произнес он, вскочив на трибуну. В этот момент Дион выглядел убедительным, а его позиция – оправданной. Но едва он сошел на землю, как Катрин вспомнила: «он не изменился». И мимолетная вспышка активности привлекла лишь осеннюю тоску и разочарование в супруге. Вся его энергия и страсть располагалась в военизированных структурах и центрировалась у исполнительного производства. Он умел вдохновлять, переубеждать, но Катрин не покидало ощущение, что за каждым его словом скрывается чужой голос. Может, она излишне предвзята, в конечном счете – что такое личность? Его выбор – его свобода. То, что они – неудавшаяся пара, не свидетельствует о врожденной дефектности, а лишь показывает индивидуальные предрасположенности каждого к иному образу существования. Человека без каких бы то ни было проблем можно описать стереотипом. От этого он не становится нам яснее или ближе. Расстояние – наше сугубо личное отношение к стандартам, чьим-то заблуждениям и проекциям собственных автопортретов. Не зря ученые предпочитали называть эти туманные образы местом сосредоточения персональных желаний, обыкновенно протекающих вскользь, но вырывающихся наружу «по зову сердца». Девушка улыбнулась Диону, целуя в щеку.

– Что с тобой?».

– Все закономерно – ответила она неопределенно.

– Ты меня удивляешь.

– А для чего еще существуют женщины?

Глава – 4 —

Пара добралась до первой развилки. Вот и улицы механического создания, коему противно все редкое, изящное, своеобразное. Холодный и недостижимый мегаполис живой стали, дышащий выхлопными трубами и промышленными отходами. Авансцена, на которой играют трагикомедию. А циферблат – его экономический прогноз на будущее и напоминание о том, как время беспощадно перетирает тебя в порошок. Только деловое, участливое, неугомонное движение воссоздает ореол безопасности. Приобщиться к чему-то более могущественному, ощутить на себе власть сверхцивилизации, стать ее проводником... Несогласных ждала печальная участь посторонних. Часовые башни издавали мертвящий звон поутру, в полдень, и по завершению работы. Механизм определял распорядок существования городских обитателей. Питаться, трудиться, как все, видеть, как все, предаваться сексуальным утехам... по заранее прописанному сценарию. Достаточно раз открыть глаза пошире, и навсегда потеряться в неумном, изменяющемся до неузнаваемости мире. Ну а тех счастливых, кто предпочитал людское общество и дневную ясность с отчетливо вырисовывающимся завтра, преследовала цепь инициационных испытаний, обрядов посвящения в полноправную гражданскую жизнь. Непрестанно и судорожно бдеть за тем, кем ты являешься, удаляя из психики отклонения. «Пороки воли», вызревающие в недрах испорченного организма. Ловить их, и, с помощью добродушных, прозорливых помощников из Бюро – утилизировать. Протесты против сознательного отбора партнеров, жизненного плана, схемы самосовершенствования... спонтанные позывы, бунтарство корректоры окрестили автоматизмами. Навязчивыми идеями обладания, мешающими полноценной жизни. Потребность в свободе, отстаиваемая с оружием в руках – свидетельствовала об инфантильной недоразвитости либо дегенеративных процессах, протекающих в личности. Поэтому, в экспериментальном районе были изобретены кабинеты психогигиены, где одной из главных болезней современности называлась влюбленность – эта психогенная страсть, ломающая реалистичное отношение к окружающим. Вторгающаяся в социальную сферу, она дискредитировала основы нового общества. Все апологеты свободы искали аргументы в прошлом, капались в этих пыльных, поросших паутиной древних руинах канувшего в ничто варварства.

Мудрые корректоры в гротескных толстенных оправках изучали поведенческие реакции своих подопечных – обыкновенно, юных парней и девушек, вступивших в возраст зрелости, рабочих, прислугу, перенаправляя их стремление к самоудовлетворению в нужное русло. Когда ненормальных распределяли на производстве и закрепляли за рабочим местом, разрешалась основная дилемма, развязывался узел сердца, нарочно требующего несуществующих ценностей. Трудотерапия искореняла анархистские переживания, реабилитируя ненормальных. «Ваши слова – это защитное фантазирование, избегание реальности», – комментировали опекуны болезненные мотивы многочисленных протезе. «Толкуете о том, чего не видели. Верите подачкам из третьих рук. Вы попали во власть зарубежной пропаганды, о юные, незрелые умы, обуреваемые младенческой наивностью!». Нет, страна не бросала заблудшие души в беде, и рьяно боролась за высвобождение здоровой природы. В качестве лечения от патологического сопротивления психологическому росту предлагалась счастливая усталость от взаимовыручки рабочих и служащих, повышение социального положения и освоение новых скриптов поведения для более подготовленного, узконаправленного общества. «Специализация – вершина эволюционизма» – гласили алые плакаты, украшавшие каждый подъезд. Так, гражданские права присваивались не по достижению законного совершеннолетия, а после успешной сдачи аттестации на зрелость: испытания состояли из тонкой, буквально ювелирной обработки в особых Белых Домах – маленьких кубках, одобренных Бюро социально-экономического развития в качестве моделей, имитирующих реальную среду и конфликтные ситуации, возникающие

между развитыми и недоразвитыми социальными общностями. Поначалу эти нововведения были встречены волнами ропота, проект «Белый Дом» обвинили в посягательстве на частную жизнь, семейную тайну и бытовую независимость, но тщательно отполированная речь с доказательной базой из ряда последовательных экспериментов на примерах павших цивилизаций, не переживших промышленный переворот и глобальные катаклизмы, убедила население, что вольное исполнение своих желаний, обдумывание ложных анти-эволюционных идей необходимо ограничивать рациональным порядком и дисциплиной мышления. Сколько душевнобольных, преступников, политических заключенных всех толков и мастей, умственно отсталых, необразованных и неграмотных было предъявлено публике к свидетельству порочного круга «первичных потребностей». Как и положено развитому обществу, неподалеку от центра архитекторы возвели Показные Камеры – клетчатые конструкции, куда приводили всех нарушителей общественного спокойствия, чтобы те поглядели на ненормальных и «сделали правильные выводы». Затем следовала церемония покаяния, принимаемая монашеским орденом Скрижали, после чего опоясанных грешников пускали в месячное паломничество. Под зорким взглядом Смотрителей, они должны были пересечь лесостепь и пустыню, принести в жертву дары, «родимые сердцу», отринуть эгоистическое присвоение имущества, родственные связи, и вернуться назад – после чего отработать год на конвейерной ленте, вовлекаясь в коллективную организацию существования. Устойчивых к благому воздействию паломничества изгнали в лесостепь, параллельно лишая всех прав и состояния, а нарушивших клятву изгнания хоть раз – прилюдно клеймили на центральной площади, призывая граждан быть свидетелями великой катастрофы падения человека. Вот и сейчас, проходя мимо главной улицы, Дион ощутил запах воспоминаний из детства, когда точно такой же малый, как тот что слева, среди высоких, потных тел, слышит вопли, шипение, чтение молитвы, благовония и запах жареного мяса. Он вспомнил об «автоматизмах», но не мог отделаться от приятного ощущения соучастия. То, что роднит с иными людьми, гуманистическая чувствительность к их запросам, «естественным» культурным нуждам – увы, в последнее время в новой столице происходили перемены, и он не всегда понимал, к чему они ведут. Диону оставалось неясным, как принципы товарищества могут навредить коллективизму, а благородству – непринужденность. На личном примере он показал, как удачно комбинируется и то, и другое. «Человек – это мечта о несбыточном». Впрочем, он судит с высоты своей колокольни, чей горизонт упирается в ближайшие высоты. Для подобных каверзных вопросов он выучил наизусть понятие здоровья, выдвинутое Институтом фильтрации и коррекции. Да и в среде широких кругов господствовало определение, что здоровый человек – в том числе и человек нормальный. Здоровье шире нормы, норма условна, но с ней опасно заигрывать. Здоровье, включающее отклонение части показателей от нормы, «здорово», если в нем наличествует принятая степень функциональной адаптации к природной и социальной среде, оно – неразрывная нить, повисшая между «идеальным здоровьем» и «практическим здоровьем». Дион ощущал затылок. «Ну и мозговоротилка!». Терминология давалась ему с трудом, но он добился того, что это определение плотно вжилось в память.

Рядом достраивался спиралевидный контур алмазной башни. «Скрижаль...». Классическая религия была отринута, как бесполезное сумасбродство. «Пока мы падаем перед богами на колени, не стать человеку самостоятельным, он будет нежиться в пеленках, прижимая голову при всякой потусторонней опасности, ища неземного авторитета, сверхприродного покровительства, он впадает в крайние формы помешательства, ипохондрии, навязчивых представлений о небесной помощи и каре за несовершенные преступления». Боги-символы, одухотворенные предметы, живые стихии, советующие и направляющие человека в трудную минуту, постепенно отмирали, как рудимент. Ненужный орган, уходящий в небытие эволюционной прогрессией.

Однако, успех по выпалыванию «неполноценности» был достигнут лишь частично. В городе с открытой инфраструктурой, постоянным притоком и оттоком мигрантов, неста-

бильной социальной прослойкой, противоречивой информацией от «лазутчиков» и диверсантов «нового общества» не удалось зацементировать принципы «революционного Севергарда». Потому, на очередном съезде партийного руководства было принято решение сформировать поселение закрытого типа, отвечающее всем современным тенденциям организации общественного устройства с внедрением передовых технологий реабилитации ненормальных, социализации, коллективизации и обучению детей по новым стандартам. За структуру отвечал Институт Фильтрации и Коррекции, построенный на базе плавучей дамбы. Проект обозначили красивым сочетанием – Город Света. Туда собрали счастливых, согласившихся на социальный эксперимент модели идеального человеческого будущего, и отправили восвояси, неведомо куда. Поговаривали, что это место – спасательный бункер для членов Бюро на случай внезапной революции или дестабилизации социальной обстановки. Ни прямых, ни косвенных доказательств, естественно, не имелось. «Как и положено отбросам – все зиждется на домыслах больных фантазий, воспаленного воображения неудачников и туняйцев» – подумал Дион. Эта братия «пограничников» вызывала у госслужащих острую неприязнь, подобно вшам, забравшимся под одежду. И лишь поэтапное вытеснение пережитков прошлого, внедрение в повседневную жизнь технологий, разрастание сетей радиопередач для быстрого распространения полезной информации станет новым двигателем социально-политических изменений. Таким образом, ускорится приближение всемирной государственности, преодоление межнациональной розни и территориальных притязаний отдельных народов, замкнутых в собственных локальных воображаемых мирах. Чем-то старые культуры напоминали скотомогильники. Они кичились скромными притязаниями, но тем не менее, безрассудно выдавливали из старческой груди «право на самоопределение». Какой бы ни была великой древняя культура, ей не совладать с настоящим. Она бессильна пред вселенским масштабом, множась в геометрической прогрессии, открытием новых и новых регионов нашей бескрайней земли. Ей не свойственна тотальность новообретения, и только технической цивилизации посильно заселить отведенное нам время, овеществить смыслы. В цивилизации все делается мировым, осуществляется переход от племени к человечеству. Больше никакой отгороженности и бегства, а только общее дело.

На пороге войны, социальное пространство, разумеется, подверглось корректировке. Немного ограничили свободу слова и передвижения. Для их же безопасности! А «свободомыслящие» уже воют о посягательстве на святое. «Когда-то так же возмущались духовные сословия, проповедники, Наставники Пути, обдирающие народ податями и жертвоприношениями в честь Богов-символов. Эх, юные языки-помело!». Никто и не планировал отнимать право личной тайны. Позволялось скромное вольнодумство. Грубо говоря, в разумных пределах разрешено все. Ну а тем, «чью свободу стесняют, а мышление – ограничивают», устраивали показательные выступления на пересечении торгового и промышленного районов. В прозрачных бронированных решетчатых капсулах проводились ежедневные шоу. Тонкие сатирики высмеивали ненормальных, терапевты приглашали «аборигенов» в капсулы и проводили с ними аналитические или иные разъяснительные беседы. Звукоизоляция была устроена таким образом, что находящиеся внутри слышали лишь собственные голоса, а наблюдатели снаружи – весь их диалог.

Дион остановился поглазеть на одного разодетого «предвестника несчастий», связанного по рукам и ногам, но Катрин злобно дернула его за плечо. В отличие от мужа ей грозило вымирание. Чем явнее она выражала свое отношение к машинизации, тем менее гостеприимно принимал ее город, хотя и давал второй шанс на спасение, предлагая пройти процедуру принудительной стерилизации сознания. «Милая, ты записана в Коррекционный Центр сегодня, забыла? – сказал муж, когда они проходили мимо величественного здания, изолированного от других строений внутренним садом, – не волнуйся, я посторожу вещи». Катрин чертыхнулась, ощущая, как в ней закипает ярость. Ведь она была совсем не подготовлена к этому визиту.

Девушка рассеяно посмотрела на супруга. «Неужели он желает мне смерти?». Она хотела воспротивиться, но Дион был непреклонен. «Исполни долг. Иначе – забудь про подполье». Катрин поцеловала мужа, выдавила улыбку и направилась в Центр.

«Кажется, я лишняя в этом мире» – призналась она, когда первый раз устроилась на регулярную работу в медицинский корпус. Она поведала, как скучает по прошлому, пыльным улицам, восточному солнцу, сухостю и запаху свободы. Добрый старик взял девушку за подбородок и ласково, едва слышно пробормотал: «Под ноги смотришь, вот и еле плетешься, а ты глазки подыми, человечество семимильными шагами впереди. Естественно, будешь плестись в отстающих, все покажется чрезмерным. Так что соберись, девочка, рано тебе уходить в историю, ещё позабавься, пока годы позволяют». Невзирая на возраст, он двигался раскрепощенно, внушал благоговение и чувство, что рядом с ним ты – как перед добрым, задумчивым отцом, еще не решившим как поступить с проказницей, и откладывающим наказание на потом. А пока – он приглашал полакомиться настоящим. Накрывал сервированный стол и любезно учил правилам этикета, подкидывая вкусные сухофрукты.

Ее смущало несоответствие между отношением за закрытыми дверями и на публике. Да и его слова, ориентированные на мягкую тактику допроса, этого сладостного истязания, бравады, откровений. Одно впечатление накладывалось на другое, путая все, что она сложила у себя в голове. Каждый раз выходя из коррекционного блока она ощущала приступ вины и замешательства, а еще – благодарность за наставление и мужественную поддержку...

До последнего времени.

К ней навевались подруги, интересовались, почему она реже посещает доброго корректора, ненавязчиво подталкивали сходить на еще один сеанс и «разобраться с внутренними демонами», мешающими дышать полной грудью. «Смотри, красотка, еще заболеешь! Мужинек вон, в генералы метит! Солидный, не упusti!». «Ты чего, подруга? Ай, сбежать надумала?», «Поделись, что на сердце давит, мы ведь не один год знакомы», «Давай же, расслабься, выпей. Обсудим нашу женскую участь». Милые, добродушные улыбки, вкрадчивые голоса – все заботились о ее благополучии, но врожденное чутье подсказывало: никому нельзя открыться до конца. Не сразу, но спустя годы она подметила, как некоторые случайно оброненные другим фразы, всплывали на сеансах коррекции. «Не выдумывай, ты не можешь все знать. Наша память устроена так, что она вытесняет старые события, а, чтобы те не казались нам утраченными связь с реальностью, заполняет новыми впечатлениями. Ты не находила за собой странности в последнее время?». Она замечала, как под конец дня ее одолевала устойчивая нервозность, но девушка не знала куда ее выплеснуть и винила себя в несдержанности к окружающим.

Весь чудный мир сочувствовал ее переживаниям и щедро предлагал лекарство, но она почему-то отказывалась, нарочно придумывая отговорки, предлоги, ссылаясь то на занятость, то на сезонную усталость. Однажды, когда близкие едва не раскусили ее обман и притворство, девушка напросилась на дополнительные трудодни. Так, на время ей удалось избавиться от присутствия чужих взглядов, изучающих «ненормальность». Проматывая сутки на работе, она могла ненадолго выдохнуть, сбрасывая напряжение. Катрин страстно искала общения, она ни мыслила дня без обмена словом, жестом, мимикой, и вынужденная изоляция приходилась хуже каторги. Она держалась за место из-за оклада, покрывающего расходы на содержание больной бабки, старого дома и... непутевого брата. При мысли о нем, на глаза напали слезы. «Для них он прозрачен. Вещь, диагноz... А человека словно вовсе нет». «Ваш брат давно оставил наш мир. Поймите, его разум загублен, страдает безжизненная плоть. Ваши... отношения с ним – навязчивые воспоминания» – попыталась ее утешить помощница, но лишь вызвала рыдания. Даже терапевт, который видел за симптомами личность, лишь констатировал его «общий духовный упадок, оскудение чувств, эмоциональную холодность, отчужденность, наигранную вспыльчивость», одним словом «фальшивость». «Если он и страдает, то не по-

настоящему. Возможно, когда он вернется из долгого плавания среди выдуманных миров, вы ему понадобится...». «А пока?». «Прогнозы неутешительны, он регрессирует». Корректор поправил очки. «Признаюсь, мне тяжело относиться к пароксизмальным состояниям с душевной теплотой... Особенно когда все существенные поступки обусловлены диагнозом». Он выжидательно замолчал. Катрин силилась угадать, чего от нее желают. А «дедушка» испытующе добродушно вперился взглядом, сохраняя на физиономии легкую улыбку, чем-то похожую на прикрытый оскал. За спиной его висел плакат, который как бы невзначай загорелся красным, едва девушка сместила взгляд, не выдержав прямого напора. «Мы заботимся о вашем здоровье», – произнес он. Слева висел призыв обращаться по месту прописки при обнаружении девиантного поведения: «поймав ненормального, мы изменим мир к лучшему!». Катрин прикусила губу. «Вы нервничаете? Сознаете причину взбухших комплексов? – корректор натянул очки и приблизился вплотную, словно между ними исчез письменный стол, – На терапии тайны неуместны... Иначе как помочь потерянным?». Но Катрин сдержала панику, и корректор резко отстранился. «Усердно трудитесь, отрабатываете навыки. Похвально. К сожалению, наш сеанс подходит к концу». Корректор отодвинул кресло и преподнес ей блестящую визитную карточку, которая одновременно выступала пригласительным билетом. На ней одиноко красовалась перечеркнутая буква «М»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.